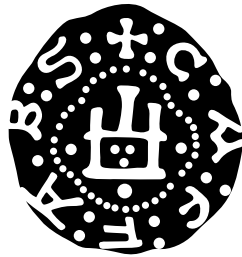

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ИСТОРИИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

Под редакцией
С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова

Казань — Симферополь — Кишинев

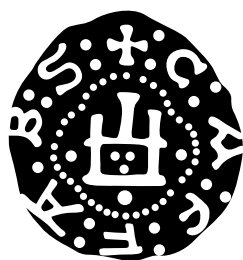
2015

ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
A. KH. KHALIKOV INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
CRIMEA BRANCH

KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES AND INTERNATIONAL RELATIONS

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

**THE GENOESE
GAZARIA**
and
**THE GOLDEN
HORDE**

Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Kazan — Simferopol — Kishinev

2015

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde: [on-line] / отв. ред.: Сергей Геннадиевич Бочаров ; науч. рецензенты: И. Л. Кызласов [и др.]. – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – (Серия «Археологические источники Восточной Европы», ISBN 978-9975-4272-6-5).

1 disc optic electronic (CD-ROM) : sd., col.; în container, 13 × 13 cm.

Cerințe de sistem: Windows 98/2000/XP, 32 Mb hard

ISBN 978-9975-4272-8-9.

902/904(4)(082)

Г 34

Сборник статей посвящен историко-географическим исследованиям территорий и историко-топографическому изучению городов Византийской империи, Золотой Орды, Генуэзской республики в XIII—XV вв. и государств-наследников этих территорий в XVI—XVIII вв. в Юго-Восточной Европе. В него вошли статьи, подготовленные девятнадцатью исследователями из России, Украины, Молдовы и Казахстана.

Для специалистов по истории и археологии средних веков, а также для краеведов и широкого круга читателей.

-
- © Казанский (Приволжский) Федеральный университет
© Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
© Ответственные редакторы: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов
© Издательство «Stratum plus» Р.Р., Университет «Высшая антропологическая школа»
© Обложка: Д.А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина
Технический координатор: Ж.Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжник, Г.В. Засыпкина
Редактор карт: Л.А. Мосионжник
Корректор: Г.В. Засыпкина

Печатается по решению ученых советов:

Института археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
протокол № 1 от 14 мая 2014 г.
Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины,
протокол № 3 от 12 апреля 2013 г.

Под редакцией

С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова

Научные рецензенты:

И. Л. Кызласов, доктор исторических наук,
заведующий группой средневековой археологии евразийских степей
Института археологии Российской Академии наук

Ю. М. Могаричев, доктор исторических наук,
профессор Крымского республиканского института
последипломного педагогического образования

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Издание подготовлено за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров

Printed by decision of the following Academic Councils:

A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
minutes no. 1 of 14 May 2014

Crimean Branch of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine,
minutes no. 3 of 12 April 2013

Edited by

Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Reviewed by:

I. L. Kyzlasov, doctor of historical sciences,
Head of the Eurasian Steppes Medieval Archaeology Group
Archaeology Institute, Russian Academy of Sciences

Yu. M. Mogarichev, doctor of historical sciences,
Professor of the Crimean Institute for
Post-University Pedagogical Education

S. B. Sorochan, doctor of historical sciences,
Professor, Head of Ancient and Medieval History Department,
V.N. Karazin National University in Kharkov

The volume was funded by the subsidy the Russian Government
to support the Program of competitive growth of Kazan Federal University
among world class academic centers and universities

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Бочаров (Симферополь, Крым), А. Г. Ситдинов (Казань, Россия). Предисловие	13
--	-----------

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ

Н. Д. Руссев (Кишинёв, Молдова). Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье	19
А. Г. Еманов (Тюмень, Россия). Дж. Каталано из Солдаи первой четверти XV века: эпиграфический экзерсис.	39
С. Г. Бочаров (Симферополь, Крым). Генуэзский замок Калиера	47
В. Л. Мыц (Санкт-Петербург, Россия). «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции	99
И. Б. Тесленко (Симферополь, Крым). Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV—XV вв.	125

ЗОЛОТАЯ ОРДА

О. В. Кузнецова (Алматы, Казахстан). Поливная керамика Сарайчика.	167
Е. М. Пигарёв (Астрахань, Россия). Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области	181
Л. В. Яворская (Москва, Россия). Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам)	197
О. А. Ильина (Камышин, Россия). Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья	207
Д. А. Кубанкин (Саратов, Россия). Историческая топография Увекского городища	243
К. А. Руденко (Казань, Россия). Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды).	255

А. Г. Ситдиков (Казань, Россия). Казань в эпоху Золотой Орды	365
А. Ю. Зеленева (Йошкар-Ола, Россия). Расселение мордвы: её этническая и политическая история в XIII—XV вв.	377
А. Н. Масловский (Азов, Россия). Заметки по топографии золотоордынского города Азака	383
Э. Е. Кравченко (Донецк, Украина). Памятники золотоордынского времени в степях между Днестром и Доном	411
М. В. Ельников (Запорожье, Украина). Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье	479
В. П. Кирилко (Симферополь, Крым). Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму	509
Г. С. Богуславский (Одесса, Украина). Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа Керман	559

ВИЗАНТИЯ ПОСЛЕ ВИЗАНТИИ

И. В. Волков (Москва, Россия). Два надгробных камня из Музея-заповедника «Херсонес Таврический»	573
И. В. Волков (Москва, Россия). Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного исторического музея	577

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

И. В. Волков (Москва, Россия). Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473—1478 гг. (текст, перевод, комментарий)	605
Список сокращений	693

CONTENTS

S. G. Bocharov (<i>Simferopol, Crimea</i>), A. G. Sitdikov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Introduction	15
---	-----------

GENOESE GAZARIA

N. D. Russev (<i>Kishinev, Moldova</i>). Two Variants of the Urban History of Medieval Black Sea Region — Belgorod and Oleshye	19
A. G. Emanov (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). G. Catalano of Soldaia of the First Quarter of 15th Century: an Epigraphic Exercise	39
S. G. Bocharov (<i>Simferopol, Crimea</i>). Kaliera, a Genoese Castle	47
V. L. Myts (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Timur’s Crimean Campaign in 1395: a Historiographic Confusion, or Archaeology against Historiographic Tradition	99
I. B. Teslenko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Pithoi from Archeological Complexes of the 14—15th Centuries in the Crimea	125

GOLDEN HORDE

O. V. Kuznetsova (<i>Almaty, Kazakhstan</i>). Glazed Ceramics of Saraichik Hillfort .	167
E. M. Pigarev (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>). Golden Horde Sites on the Territory of Astrakhan Region	181
L. V. Yavorskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Urbanization Processes and Meat Consumption Trends in Medieval Towns in the Volga Area (by archaeozoological materials)	197
O. A. Ilyina (<i>Kamyshin, Russian Federation</i>). Problems of Historical Topography and Chronology of the Golden Horde Towns on the Right Bank of Lower Volga	207
D. A. Kubankin (<i>Saratov, Russian Federation</i>). Historical Topography of Uvek Hillfort	243
K. A. Rudenko (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Sites of Golden Horde Time in the Middle Volga Region (Bulgar Ulus of the Golden Horde)	255

A. G. Sitdikov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Kazan during Golden Horde Epoch	365
A. Yu. Zeleneev (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>). Distribution of Mordvins: Their Ethnic and Political History in the 13th—15th Centuries	377
A. N. Maslovskiy (<i>Azov, Russian Federation</i>). Notes on the Topography of the Golden Horde Town of Azak	383
E. E. Kravchenko (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Sites of Golden Horde Time in Steppes between the Dnieper and the Don	411
M. V. Elnikov (<i>Zaporizhzhе, Ukraine</i>). Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Dnieper Region	479
V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Periodisation of Construction of the So Called Uzbek Mosque from Stary Krym	509
G. S. Boguslavskiy (<i>Odessa, Ukraine</i>). Jochi’s Ulus Time in the North-Western Pontic Area and the City of Akja Kerman	559

BYZANTIUM POST BYZANTIUM

I. V. Volkov (<i>Moscow, Russia</i>). Two Gravestones from the National Museum Reserve of Tauric Chersonesos	571
I. V. Volkov (<i>Moscow, Russia</i>). Turkish Map of the Black and Azov Seas from the State Historical Museum	577

SOURCES

I. V. Volkov (<i>Moscow, Russia</i>). Giosafat Barbaro’s Travel to Persia in 1473—1478 (text, translation, comments)	605
List of Abbreviations	693

В. Л. Мыц

Victor Myts. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum¹.

Мыц Виктор Леонидович. Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 32/34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

«Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции

Keywords: Crimea, 1395, Timur, Edigu, Tokhtamysh, 'Crimean Campaign', Chersonese, Mangup, Solghat, Caffa, historiography.

Ключевые слова: Крым, 1395 г., Тимур, Едигей, Тохтамыш, «крымский поход», Херсон, Мангуп, Солхат, Каффа, историография.

V. L. Myts

Timur's Crimean Campaign in 1395: a Historiographic Confusion, or Archaeology against Historiographic Tradition

The author analyzes a historiographic tradition related to the so called Timur's "Crimean campaign" (or of his protégé Edigu) in 1395, during the war with Tokhtamysh. According to this tradition, this campaign led to devastation of a significant part of the Crimea, including its most important urban centers — Chersonese, Mangup, Solghat, Caffa. A detailed comparison of written accounts and archaeological materials, however, does not prove this view. Information about Timur's campaign in Crimea originates from a biased Egyptian source. Most of the other contemporary accounts — Greek, Latin and Armenian — "ignore" this catastrophe. The archaeological research does not yield any reliable data to prove that any of the Crimean towns were ruined in late 14th c. Overall, it can be substantially inferred that Timur's western campaign in 1395 did not affect the Crimean territory.

В. Л. Мыц

«Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции

В статье анализируется историографическая традиция, сложившаяся вокруг так называемого «крымского похода» Тимура (или его ставленника Едигея) в 1395 г., в ходе войны против Тохтамыша. Согласно данной традиции, в результате этого похода значительная часть Крыма подверглась опустошительному разгрому, включая важнейшие городские центры полуострова — Херсон, Мангуп, Солхат, Каффу. Однако тщательное сопоставление данных письменных источников и археологических материалов не подтверждает эту точку зрения. Сведения о походе Тимура в Крым берут начало из одного тенденциозного египетского источника. Большинство других источников этого времени — греческие, латинские, армянские — «не замечают» такое катастрофическое событие. Археологические исследования не дают надежных данных для выводов о разгроме крымских городов в конце XIV в. В целом, есть достаточно оснований заключить, что западный поход Тимура 1395 года не затронул территорию Крыма.

Историография средневекового Крыма до настоящего времени хранит в себе ряд анахронизмов, одним из которых, на мой взгляд, является так называемый «крымский поход» Тимура в 1395 г. и интерпретация исследователями последовавших за этим событий. Давно установлено, что роль одного из определяющих внешнеполитических факторов в истории причерноморского региона и Крыма было суждено сыграть походам Тимура, осуществленным им в 90-х гг. XIV в.

Масштабные военные экспедиции Тимура в 1391 и 1395—1396 гг., в конечном итоге, привели к развалу Золотой Орды (Сафаргалиев 1996: 429—433; Греков, Якубовский 1998: 249—274).

Вероятно, одним из первых, кто внёс в археологическую литературу о средневековом Крыме и «развил» тезис о «тимуровском погроме» полуострова в 1395 г., был А. Л. Якобсон. Он, создавая для своих фундаментальных работ компилятивные очерки письмен-

ных источников (Скржинская 1953: 253—269; Богданова 1995: 107), всегда следовал в кильватере конъюнктурных построений своих предшественников-историков (Ф.К. Бруна, В.Д. Смирнова, Ф.А. Брауна, В.В. Латышева, Н.В. Малицкого, А.А. Васильева и др.).

Начало «разработки» этой темы положено А.Л. Якобсоном в 1950 г., когда в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», №17, вышел из печати его первый фундаментальный том «Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)» (Якобсон 1950). В главе I, содержащей «Очерк истории Херсона в XI—XIV вв.», разделе 16, озаглавленном «Крым в XIV в. Экономическая и политическая блокада Херсона. Разорение и окончательное падение его в конце XIV в.», исследователь писал: «Падение Херсона довершили, по всей вероятности, события самого конца XIV в. Речь идёт о вторжении в Крым полчищ нового золотоордынского временщика — Едигея (Идику-Идик), который воцарился в последние годы XIV в. (после 1397 г.)» (Якобсон 1950: 42). В данном случае мы не находим ссылки на какой-либо письменный источник, действительно указывающий на вторжение «полчищ» Едыгея на территорию полуострова.

Однако далее А.Л. Якобсон продолжает: «Это вторжение было эпизодом той длительной внутренней и внешней борьбы, которую переживала на склоне дней своих Золотая Орда, находившаяся в это время на грани полного разложения. Нашествия Тимура привели, в конечном счете, к гибели этой огромной державы. В 1395 г. был разбит Тохтамыш. Полчища золотоордынских эмиров, изменивших Тохтамышу и ставших на сторону Тимура, громили не только кипчакские степи, но и Крым» (здесь и далее курсивом выделено мной — В.М.) (Якобсон 1950: 42). Здесь находим чисто риторические рассуждения (не опирающиеся даже формально на источники) о полчищах анонимных эмиров — сторонников Тимура, якобы громивших Крым.

В последующих пассажах исторического очерка, которые считаю необходимым процитировать полностью, исследователь опять же «опирается» не на анализ письменных источников или хотя бы компилятивное их изложение, а на чисто конъюнктурные построения В.Д. Смирнова и следовавшего за ним Н.В. Малицкого: «По рассказу турецкого писателя XVII в. Печеви, “два или три раза он (т.е. Тимур или, вероятнее, как полагает В.Д. Смирнов, его сторонник Таш-Тимур, известный в качестве крымского хана в 1394—1395 гг., — А.Я.) прихо-

дил с несметными войсками в Дэшт и Крым, и эти населенные владения, погранные попытками скотов грабительского войска татарского, сравнялись с землей”. Крым не случайно стал ареной борьбы: по замечанию В.Д. Смирнова, “крымский удел, вследствие его изолированного положения, считали наиболее надежным убежищем в случае неуспеха в исконных становищах ханов Золотой Орды” (Смирнов 1887: 170). Сюда, в Крым, между прочим, бежал (по преданию) и сын Тохтамышша (Смирнов 1887: 148) Едигей в качестве сторонника и ставленника Тимура: он действовал здесь не только против Кафы, которую осадил в 1396—1397 гг.: “копыта грабительского войска татарского” прорвались и по Юго-Западному горному Крыму (Малицкий 1933: 19) — тем районам, где, по видимому, пытались обосноваться сторонники Тохтамышша. А о том, что и этот район в последние годы XIV в. оказался во власти ставленников Едигея, свидетельствует тарханский ярлык Тимур-Кутлука, который хоть номинально и был провозглашен золотоордынским ханом, но фактически властвовал лишь в Крыму (Смирнов 1887: 169), где он имел “опору в полчищах Едики, хлынувших в Крым для преследования одного из сыновей Тохтамышша, вздумавшего там искать себе убежище” (Смирнов 1887: 169). В ярлыке этом, среди прочего, назван и район Кыркора, т.е. Чуфут-Калэ. *Вряд ли эта волна татарских погромов, учиненных в Крыму Едигеем и его ставленниками, а то и попросту бродячими татарскими ордами, миновала Херсон, к тому времени фактически беззащитный. Не эти ли татарские погромы самого конца XIV в. явились причиной того всеобщего пожарища, в котором, как показывают раскопки, окончательно погиб город?* (здесь и далее курсивом выделено мной — В.М.). По крайней мере, для XV в. невозможно указать ни одного подобного события, с которым это пожарище можно было бы связывать. И уж во всяком случае, это не связано было с турецким захватом Крыма в 1475 г., ибо к тому времени Херсон, как известно, фактически был уже необитаем» (Якобсон 1950: 42).

Из представленной выше пространной цитаты видно, что А.Л. Якобсон привлек «исторический материал», состоящий лишь из кратких ссылок на работы В.Д. Смирнова и Н.В. Малицкого. Причём сделал это с целью определить причины (их он находит в татарских погромах) тотального пожара конца XIV в., в котором якобы «окончательно погиб» Херсон. В дальнейшем исследователь убедился, что открытые на территории

средневекового города верхние слои пожара не выходят за пределы XIII в., и поэтому связал произошедшую катастрофу с нашествием в 1299 г. орды Ногая (Якобсон 1973: 129). Тем не менее, озвученная ранее тема «нашествия» на Крым в конце XIV в. «татарских полчищ» Едигея продолжает, хотя и в разной тональности, звучать в его работах.

Так, касаясь истории княжества Феодоро во второй половине XIV в., А.Л. Якобсон в монографии «Средневековый Крым» писал: «Как видно, ослабление татарского господства, что означало относительную независимость княжества (а может быть, и покровительство татар), и определенная стабилизация в Крыму благоприятствовали усилению Феодоро. Запустевшие селения и плодородные долины Юго-Западного Крыма начали, по-видимому, заселяться и наполняться жизнью». Далее, ссылаясь на работу В.Д. Смирнова «Крымское ханство...» (Смирнов 1887: 148, 169), он делает собственное заключение: «Однако процесс этот прервали новые события: в самом конце XIV в. сюда нагрянули полчища татарского временщика Идики (Едигея), ставленника Тимура, преследовавшего здесь одного из сыновей хана Тохтамышша, пытавшегося обосноваться в Крыму. Огнем и мечом прошло по западному Крыму татарское войско» (Якобсон 1964: 124).

В научно-популярной книге «Крым в средние века» (1973 г.) А.Л. Якобсон предлагает несколько иную редакцию данного сюжета в истории и археологии средневекового Крыма: «После татарских погромов (орда Ногая) в 1299 г. и в начале XIV в. Юго-Западный Крым снова сильно запустел, но вскоре, уже в 40-х годах того же столетия, когда в Золотой Орде начались смуты, зависимость Крыма от татар ослабела, временами она вообще переставала ощущаться, особенно в его западной части, удаленной от их административного центра (Солхата). Новая обстановка не могла не способствовать оживлению края: запустевшие селения и плодородные долины Юго-Западного Крыма начали заселяться. Однако процесс этот снова прервали нагрянувшие сюда в 1399 г. огромные полчища татарского временщика Идикэ (Эдигея). С огнем и мечом прошло по Юго-Западному Крыму татарское войско» (Якобсон 1973: 129 и сл.).

Таким образом, благодаря «изысканиям» А.Л. Якобсона, в литературе появились две даты разрушения поздневизантийского Херсона, разделённые интервалом ровно в сто лет — 1299 и 1399 гг. Но если первая

была подкреплена не только ссылкой на письменный источник, но и реальным археологическим материалом из раскопок памятника, то вторая — введена чисто декларативно. Вероятно, поэтому современные исследователи Херсона (А.И. Романчук), Мангупа (А.И. Герцен) и Солхата (М.Г. Крамаровский) придерживаются даты 1395 г., когда, по их мнению, в результате похода Тимура (или его креатуры — Едигея) произошло разграбление и разрушение данных средневековых городов Крыма.

При этом они избегают не только рассмотрения историографии затронутой темы, но также предпочитают ограничиться формальными ссылками на более ранние работы историков, предпринимавших попытки анализа некоторых письменных источников, или просто отсылают читателя к данным свидетельствам. Имеющийся в их распоряжении археологический материал призван играть роль материальной иллюстрации не реальных событий, а сложившейся ещё в XIX в. историографической традиции. Попытаюсь представить основные аргументы, используемые А.И. Романчук, А.Г. Герценом и М.Г. Крамаровским в качестве подтверждения «крымского похода» Тимура (или его креатуры Едигея) в 1395 г. По их мнению, таковыми являются материалы проведённых археологических исследований и свидетельства письменных источников.

I. Археологический контекст политических событий 1395 г.: антииллюстрация

1. А.И. Романчук в серии своих работ, выходящих с начала 80-х гг. прошлого века, полемизируя с А.Л. Якобсоном, считавшим, что «после событий конца XIII в. Херсон не был больше крупным поселением» (Якобсон 1959: 233), поставила перед собой задачу во что бы то ни стало доказать существование Херсона в XIV в. как по-прежнему значительного экономического, политического и культурного центра Юго-Западного Крыма (Романчук 1982: 89—113; 1997: 280; 2000: 205; 2003: 261—269; 2005: 102 и др.).

При этом дату разрушения города в XIV в. исследовательница относит к самому финалу столетия — 1395/96 г., когда в Таврике якобы появляется «карательная экспедиция» Тимура, действовавшая «против феодалов, выступивших на стороне Тохтамышша, в частности, против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура» (Романчук 1982: 90; 1997: 280; 2000: 185).

Однако связь данных событий (предполагаемая борьба за Крым между Тамерланом и Таш-Тимуром в 1395 г. уже после поражения Тохтамышца) с выявленным в ходе раскопок в портовой части Херсона археологическим материалом вызывает сомнения. В основном исследовательница в своих выводах опирается на демонстрацию монет и поливной керамики как наиболее яркой составляющей «закрытых комплексов».

Дело в том, что исследователи Херсона крайне редко отмечали в припортовой части города (в других районах они не известны) находки монетных номиналов XIV в. времени правления ханов Золотой Орды — Токты (1290—1312), Узбека (1313—1342) и Джанибека (1343—1357) (Богданова 1991: 70, 160—163; Романчук 2005: 101—102). К этой же группе примыкает и одна серебряная монета сербского короля Стефана Душана (1331—1355) (Бобринский 1905: 16). Причём, наиболее молодым датированным номиналом из «верхнего слоя» является монета мамаяевского хана Абдуллаха (1362/63—1368/69) (Богданова 1991: 162). Только в одном случае вроде бы удаётся определить залегание джучидских монет на разных уровнях слоёв разрушения памятника: «в расположенной к юго-востоку усадьбе в верхнем слое разрушения встречаются монеты Токты (1290—1312), а в слое выше, перекрывавшем его, — Узбека (1313—1339) и Джанибека (1338—1357)» (Романчук 2005: 101—102). Но, к сожалению, ни одна из этих находок не опубликована.

В работе «Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве)» А.И. Романчук (2003: 261—269, рис. 1—10) продолжает отстаивать свою прежнюю точку зрения о существовании Херсона в XIV в. как крупного торгово-ремесленного центра Юго-Западного Крыма. В качестве доказательства правоты своего заключения она приводит два, уже неоднократно ею использованных, аргумента: 1) «Находки монет в целом на территории Херсонесского городища и, в частности, в портовом районе не позволяют согласиться с тем, что завершающим в жизни города стал конец XIII в.» (Романчук 2003: 261); 2) А.И. Романчук также считает, что такому выводу (то есть о значительном сокращении территории жилой застройки поздневизантийского Херсона — В.М.) якобы противоречат и «свидетельства письменных источников, в которых описывается борьба Херсонского иерарха за спорные территории на побережье в конце XIV в.» (Романчук 2000: 199—201).

К письменным источникам обратимся позднее, а сейчас рассмотрим привлекаемые в качестве доказательства существования Херсона и в XIV в. как важнейшего экономического центра Юго-Западного Крыма нумизматические материалы. Тем более, что несколько ранее, в своей монографии «Очерки истории и археологии византийского Херсона», продолжая давно начатую дискуссию с А.Л. Якобсоном, считавшим Херсон XIV в. незначительным по своим размерам поселением, А.И. Романчук категорически заключает: «Такому выводу противоречат некоторые находки, в том числе и монеты XIV в.» (Романчук 2000: 186).

Исследовательница, даже в этой своей фундаментальной работе, избегает каких-либо количественных и качественных характеристик нумизматических материалов, отсылая читателя к отчёту К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 г. (Отчет 1897: 21), сводной характеристике монет из раскопок северовосточной части Херсонеса в 1908—1912 гг., подготовленной Л.Н. Беловой-Кудь (Белова-Кудь 1931: №28, 107, 172, 200, 208, 247, 282, 320, 396, 518, 536), и двум публикациям А.М. Гилевич, содержащим самый общий анализ монетных находок из раскопок портового района в 1963—1966 гг. (Гилевич 1971: 96; 1973: 29).

В отчёте К.К. Косцюшко-Валюжинича действительно содержится весьма важная информация об обнаружении джучидских монет: «С наружной стороны оборонительной стены, во время плантажных работ монастыря, найдено 25 сер. и 10 медн. монет Золотой Орды...» (Отчет 1897: 91). К этому следует добавить, что ещё одна «медная монета Золотой Орды с изображением тамги и “Соломоновой” печати» находилась вместе с останками 6 человек, «лежавших в беспорядке» между оборонительной стеной и протейхизмой (Отчет 1897: 96).

Ссылка А.И. Романчук на указанные номера монет в публикации Л.Н. Беловой-Кудь как на «монеты XIV в.» вообще вызывает недоумение, потому что только 3 из них (№28, 282, 536) — «восточные», а №396 (3 монеты) — «восточно-сельджукские». Остальные номиналы (№107, 172, 200, 208, 247, 320, 518) представляют собой поздеримские и византийские монеты (до Константина VII включительно).

Из 693 средневековых монет, обнаруженных в результате раскопок портового района 1965—1966 гг., 16 определены А.А. Быковым как «восточные», и только 5 оказались джучидскими номиналами XIII—XIV вв.

(Гилевич 1973: 29). Наиболее ранней является монета 1266/67 г. Менгу Тимура (помещение 53а, слой 3) (Гилевич 1973, № 221). Ещё две монеты чеканены от имени хана Узбека (1313—1342) (одна найдена «в верхнем слое» помещения 37 (№ 67), а вторая — в «помещении 58, в слое 3, над слоем горения»¹).

Отдавая отчёт в малочисленности имеющегося нумизматического материала XIV в., А.И. Романчук в своей работе «Заметки к истории Херсонеса XIV в.» предлагает «пополнить» монетный фонд данного времени номиналами херсонесской анонимной чеканки с монограммой «ро», так как они встречаются и в верхнем слое гибели города (Романчук 1996: 300). По этому поводу А.И. Романчук заключает: «сами по себе находки монет чрезвычайно важны для оценки торговых связей этого города. Так, например, Н.М. Богданова пишет, что об активном участии Херсона в торговле Северного Причерноморья во второй половине XIII — XIV в. свидетельствуют находки монет, в частности, монет Золотой Орды. К сожалению, полностью согласиться с таким выводом не позволяет демонстрируемый в таблицах материал: к XIV в. из 120 монет крымских ханов и Золотой Орды относится только 16. Это обстоятельство порождает сомнение в правильности вывода, хотя он вполне правомерен (выделено мной — В.М.). Всё дело в том, что не учтён значительный круг материалов, которые подтверждают данный тезис. Прежде всего — находки, характеризующие стратиграфически отличающиеся слои разрушения поздневизантийского периода и время обращения монет с монограммой «ро» (Романчук 1996: 300).

Но сама А.И. Романчук так и не приводит общее количество монет с монограммой «ро», встреченных в слое XIV в., а ссылается на единственное заключение А.М. Гилевич, что «верхний слой, снятый в 1963 г., дал 22 монеты с монограммой... Кроме херсонезитских монет, здесь обнаружены монеты Джучидов XIII—XV вв. и византийская монета Михаила VIII Палеолога (1261—1282 гг.). Эти «нехерсонесские» моне-

ты говорят о том, что слой может быть датирован временем не ранее конца XIV—XV вв.» (Гилевич 1971: 63—64; Романчук 1996: 302). Как кажется, если даже к 16 джучидским монетам XIV (?) в. прибавить 22 медные анонимные херсонесские XII—XIII вв. с монограммой «ро», то экономика Херсона этого времени не будет выглядеть более развитой, а торговые связи не станут намного шире.

Тем не менее, обращение к нумизматическому материалу дало А.И. Романчук возможность прийти к важному заключению, которым она до сих пор так и не воспользовалась: «в слое разрушения найдены две монеты Тохты (1290—1313), а в засыпи, перекрывавшей его, — Узбека (1313—1339) и Джанибека (1339—1357). Все это, без сомнения, позволяет говорить о том, что *пожар, приведший к разрушению усадьбы, имел место не ранее 60-х годов XIV в.*» (выделено мной — В.М.) (Романчук 1996: 302). В дальнейшем эта дата (60-е гг. XIV в.), на которую указывает нумизматический материал из «верхнего слоя» разрушения портовой части Херсона, исчезает из работ А.И. Романчук, а остаётся только 1395 г. как время разрушения поздневизантийского города Тимуром.

В качестве иллюстрации научной объективности своей точки зрения А.И. Романчук, в статье «Кувшины и миски из слоя пожара XIV в.», на 10 рисунках, помещает изображения 31 фрагмента поливных сосудов (кувшинов и мисок). По её заверению, они происходят «из слоёв разрушения в портовом районе, датируемых на основании нумизматических данных именно XIV в.» (Романчук 2003: 262, рис. 1—10). Но из общей характеристики представленного материала (двух видов кувшинов и мисок) оказывается, что «подобные сосуды в настоящее время датируются XIII в.» (Романчук 2003: 263). Тем не менее, автор указывает на то, что «некоторые глазурованные миски, близкие по характеру орнаментации, были обнаружены в домах, которые, судя по стратиграфии и нумизматическим находкам, прекратили своё существование после пожара XIV в.» (Романчук 2003: 263).

Остаётся только сожалеть, что исследовательница, уже в который раз, не даёт возможности читателю получить хотя бы самое общее представление не только о составе так называемых «закрытых комплексов» из «слоя пожара XIV в.» в портовом районе Херсона, но также и об их топографии, стратиграфии и нумизматическим находкам. Это тем более важно, потому что из приводимого в статье описания поливных изделий только 14 (из 32)

¹ Следует также обратить внимание А.И. Романчук на годы правления ханов Тохты, Узбека и Джанибека, постоянно указываемые исследовательницей средневекового Херсона неверно. Например, хан Тохта скончался в среду 9 августа 1312 г., но Узбек воцарился только в рамазане 712 г. х. (=январь 1313 г.). Дата его смерти относится к шевалле 742 г. х. (=10 марта — 7 апреля 1342 г.), после чего «временно» на престол вступил один из его сыновей — Джанибек (Золотая Орда в источниках 2003: 100, 117, 324).

имеют указание на место их находки в помещениях (№ 3а, 4, 10, 40, 43, 46, 47, 47а, 48, 52, 54, 61) или строительной траншее (у помещения 3а). Причём, в помещении № 48 в «слое пожара XIV в.» обнаружено 2 фрагментированных поливных керамических изделия, а в помещении № 3а второй фрагмент (№ 17) «найден в строительной траншее начала XIV в.» (Романчук 2003: 266).

На рис. 8 отсутствует изображение фрагмента «стенки с остатками ручки красноглиняного кувшина с шахматным декором» (№ 22). Оказывается, что ещё несколько таких сосудов было обнаружено «в слое пожара XIV в.». К тому же, подобные поливные кувшины, изготовленные с помощью формы, «не представлены в публикациях керамики из Херсонеса», и только один аналогичный «кувшин из раскопок в Солхате (Старый Крым, датирован XIV в.) опубликовал М.Г. Крамаровский» (Романчук 2003: 266—267). Этим информация о столь редких для Херсона изделиях исчерпывается, и заинтересованный читатель не сможет не только их увидеть, но и узнать о месте обнаружения данных артефактов.

Остальные же находки происходят (как сказано в описании) из раскопок портовых кварталов 1 и 2, цитадели и Северо-восточного района города. Всё это производит впечатление весьма странной и уж совсем не репрезентативной выборки археологического материала (по 1—2 предмета) в виде единичных фрагментов поливной керамики из сомнительных «закрытых комплексов» 1395/96 гг.

В ряде случаев автор явно испытывает затруднения с определением времени бытования публикуемых фрагментов поливной керамики. Поэтому некоторые из них не датированы (№ 10—12) или время их бытования определяется в пределах двух (!) столетий — XIII—XIV вв., и опять же «на основании стратиграфии», которая ни разу не представлена в публикациях (Романчук 2003: 266, рис. 7, № 14, портовый квартал 2, помещение 4, НЗХТ № 53/36962).

Видимо, осознавая крайнюю недостаточность приведённых ранее «доказательств» в пользу своего утверждения, исследовательница портовой части Херсона делает оговорку: «Безусловно, на основании нескольких, описанных выше сосудов делать какие-либо глобальные выводы преждевременно». Вместе с тем подобное признание не мешает А.И. Романчук прийти к оптимистическому заключению: «Однако именно эти керамические изделия, имеющие аналогии среди

материалов памятников Крыма и более удалённых районов, свидетельствуют о том, что жители Херсона, уцелевшего после разгрома последней четверти или конца XIII в., сохранили региональную торговлю (в пользу такого предположения говорят и монеты) и, возможно, некоторых из своих партнеров из городов Западного побережья Чёрного моря» (Романчук 2003: 268).

И поэтому (исключительно на материалах портового района города) А.И. Романчук приходит к выводу: «Вряд ли Херсон в XIV в. сократился до жалкого, незначительного по размерам поселения “с точечной застройкой”, расположенного в основном в портовом районе. На основании “умолчания источника” ранее делался вывод о глубоком кризисе в VII в. и “об обезлюдивании Херсона” в VIII в., однако археологическое изучение городища в последние годы, анализ коллекций, хранящихся в фондах заповедника, показали некорректность такого вывода. Возможно, в будущем мы сможем дать объяснение, почему в том или ином из кварталов Херсона поздневизантийского периода сохранились (или отложились) материалы XIV в., в других же они отсутствуют» (Романчук 2003: 269).

«Перспектива» дискуссии очевидна. Но, чтобы придать ей научное направление, необходимо, прежде всего, опубликовать данные стратиграфии памятника. А этого так и не сделано А.И. Романчук за четыре десятилетия изучения портового района города. Желательно, чтобы в ней нашла отражение фиксация нумизматических и других находок в местах их залегания с материалами закрытых комплексов, связанных со следами тотальных или локальных пожаров и разрушений. Только в случае решения данной задачи споры по поводу времени гибели поздневизантийского Херсона, наконец, приобретут конструктивный характер и форму корректной научной дискуссии.

Собственно, ничего нового в данном предположении нет. Странно только то, что об этом и в таком контексте приходится «дискутировать» с А.И. Романчук, которая ещё в 1986 г. в своём монографическом исследовании по исторической топографии города XII—XIV вв. определяла актуальные задачи, стоящие перед исследователями Херсона: «установление *детальной стратиграфии городища*, отражающей всю многовековую жизнь города; *уточнение времени основания и гибели города*; а также выявление основных перестроек и строительных периодов; *увязка стратиграфии городища с оборонительными сооружениями*; выяснение вопросов роста

территории города; уточнение времени бытования массового археологического материала» (выделено мной — В. М.) (Романчук 1986: 24). Однако приходится констатировать, что и по истечении двадцати лет поставленные задачи еще весьма далеки от своего решения (см., например: Богданова 1995: 104—116).

2. Издание Х.-Ф. Байером на русском языке поэмы иеромонаха Матфея «Сказание о городе Феодоро»², только предположительно датированное публикатором 1396 г. (Байер 2001: 196), по всей видимости, вдохновило А. Г. Герцена вновь обратиться к разработке идеи разгрома Мангупа войсками Тамерлана (первым идею непосредственной связи сообщаемых в поэме Матфея «сведений» о запустении города Феодоро и походом Тамерлана в 1395 г. высказал А. А. Васильев (Vasiliev 1936: 191)). Поэтому он пишет: «В середине 90-х гг. (XIV в. — В. М.) Крым оказался втянутым в грандиозную междоусобицу Тохтамышша и Тимура, в результате которой

² Ввиду малого тиража данного издания и возможным затруднением читателя познакомиться с книгой Х.-Ф. Байера «История крымских готтов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро», предлагаю несколько цитат, относящихся к данному сюжету, оставляя их без комментариев. Хотя ряд высказываемых исследователем суждений, особенно касающихся «осады» Мамаем города Феодоро, как и вся последующая реконструкция хода событий, вызывают возражения: «п) Кажется, Мамай начал осаду Феодоро уже около 1373 г. (см. Айбабин 2003: 282 о её семидесятилетней (sic!) продолжительности). После поражения Мамаю на Куликовом поле в 1380 г., мятежа его военачальников в начале 1381 г. и его устранения соединенные под руководством Тохтамышша ордынские войска отправились от Азовского моря в Крым к Феодоро и полностью окружили крепость, так что осажденные, ослабленные голодом (ст. 127—129), в конце концов сдали ее в том же году, вероятно, осенью. Незадолго до осени 1395 г. один из отрядов вторгся в Крым. Храбрые татарские оккупанты сопротивлялись им, но были разбиты (выделено мной — В. М.)... Матфей отправился в Феодоро весной или летом 1396 г., потому что увидел землю богатой фруктами и зерном (ст. 6), урожай которого на юге нельзя предположить после июля. Он нашел город “пустым, массы народа не имеющим”. Пока не вернулись ни жители, ни неизвестные нам властители, если вообще они были там ранее, кроме военачальников не очень высокого ранга (сотник), которым подчинялось местное население ради поддержания общественного порядка и защиты от нередких врагов. Город был “необитаемым” (ст. 110 сл.). Естественно, что покинутую крепость посещали люди, вероятно, бывшие владельцы, чтобы спасти что-то из оставшегося имущества. Иначе Матфей не встретил бы тех, от кого и узнал об осаде пятнадцать и более лет назад. Там находились, как он сообщает, и “воды весьма сладчайшие, сады орошаемые” (ст. 44). Разумеется, что люди в садах занимались сельским хозяйством так же, как и вне крепости» (Байер 2001: 196—197).

Юго-Западная часть полуострова подверглась разгрому, сопоставимому по последствиям с учиненным здесь ранее Ногаем. Теперь *главный удар* пришёлся по возрожденной столице княжества Феодоро, *обращенной в руины* (выделено мной — В. М.). Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей, летом 1395 г. направленный в Ялту константинопольским патриархом в качестве экзарха. Матфей — автор первого дошедшего до нас описания столицы феодоритов, выполненного в форме стихотворного диалога между странником и городом, лежащим в руинах. Восхищаясь необычностью и живописностью местоположения, странник в то же время с горечью оплакивает безлюдность города, что в дальнейшем изложении объясняется басурманским нашествием» (Герцен 2006: 27—28).

Начало возрождения жизни на Мангупе исследователь относит к 60-м гг. XIV в., основываясь на надписи, обнаруженной во время раскопок базилики в 1913 г., и считает, что в «ней прямо говорится о восстановлении в 1362 г. Феодоро и строительстве некоей “Пойки”, под которой следует, вероятнее всего, понимать цитадель — фактически кремль будущего города» (Герцен 2006: 27).

Если следовать хронологической схеме истории Феодоро-Мангупа второй половины XIV в., предлагаемой А. Г. Герценом, то возрожденный в 1362 г. город был разрушен в 1395 г. в результате нападения войск Тимура (или Едигея). В таком случае на территории памятника и, прежде всего, в цитадели города, в ходе многолетних раскопок должны были быть обнаружены закрытые комплексы, представленные артефактами, отложившимися в культурных напластованиях на протяжении 1362—1395 гг. Однако исследователю до сих пор ни разу не удалось продемонстрировать археологических комплексов Мангупа, датированных этим временем. Поэтому он вынужден прибегать к характеристике материала самого общего порядка, датируя имеющиеся находки XIV—XV вв.

В сравнительно недавно вышедшей работе «Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа» А. Г. Герцен и В. Е. Науменко отмечают: «наилучшим образом здесь (в цитадели — В. М.) представлены культурные горизонты, относимые к последнему этапу жизни акрополя Мангупа — слою функционирования и разрушения XIV—XVI вв. Найдены более раннего времени единичны и распределены на исследованной территории крайне неравномерно, датируются они в основном по аналогиям. Тем не менее,

учитывая, что *цитадель* может рассматриваться как *пространственно закрытый комплекс*, этапы развития которого установлены в результате многолетних исследований, имеется возможность попытаться коррелировать с ними группы происходящих отсюда материалов, из которых особого внимания заслуживает глазурованная керамика» (выделено мной — В.М.) (Герцен, Науменко 2005: 257).

К тому же, авторы специально отмечают: «Процесс формирования слоя XIV—XV вв. отражает исторический период становления, развития и гибели поселения, отождествляемого со столицей княжества Феодоро» (Герцен, Науменко 2005: 261). Причём ими, согласно сформулированной ранее А.Г. Герценом концепции создания архитектурного ансамбля памятника, выделяются и два этапа формирования культурного слоя цитадели Мангула, «запечатленных в археологической ситуации». Первый этап охватывает временной отрезок от начала строительства цитадели в 60-х гг. XIV в., включает в себя «связанное с ним разрушение жилых построек, оказавшихся на трассе северо-западной куртины», и завершается частичным разрушением «цитадели в конце этого столетия» (1395 г. — В.М.). Второй этап начинается с восстановления и реконструкции оборонительных рубежей акрополя Феодоро в 20-х гг. XV в. «Событием, определившим завершение данного этапа и формирование культурного горизонта в целом, явился захват цитадели в финале турецкой осады Мангула 1475 г.» (Герцен, Науменко 2005: 261).

После столь чёткого определения хронологии формирования культурного слоя, выявленного, по заверению исследователей, в ходе многолетних археологических раскопок на мысе Тешкли-Бурун, можно надеяться на то, что и характеристика материала будет представлена разделённой на два периода: 1) 1362—1395 гг. и 2) 20—70-е гг. XV в. К тому же в ней найдётся место и для описания закрытых комплексов, содержащих материалы двух периодов. Их верхние даты, соответственно, относятся к 1395 и 1475 гг.

Однако авторы неожиданно сетуют, что «Пока не представляется возможным *распределить* (sic!) все находки поливной посуды в соответствии со всеми этапами (выделено мной — В.М.). С достаточной уверенностью можно подавляющее их большинство отнести к последнему, то есть к 20—70-м гг. XV в.» (Герцен, Науменко 2005: 261). И далее, как оказывается, по мнению авторов, «Для решения данной проблемы необходимо рассмотре-

ние комплекса глазурованной керамики в целом, что требует как анализа уже накопленного материала, так и продолжение раскопок за пределами цитадели» (Герцен 2006: 261).

Далее А.Г. Герцен и В.Е. Науменко приступают к «обобщённой» характеристике красноглиняной поливной керамики XIV—XV вв., условно разделённой ими на две большие группы — монохромную и полихромную. При этом авторы считают необходимым подчеркнуть, что «обе группы имеют идентичные по форме сосуды, поэтому *несут в себе каких-либо хронологических различий*» (выделено мной — В.М.) (Герцен, Науменко 2005: 261). Подобное замечание было бы более уместным для хронологической группы 20—70-х гг. XV в. (так называемого «второго этапа» существования жизни на территории цитадели), но никак не XIV—XV вв.

Обратимся к опубликованным А.Г. Герценом и В.Е. Науменко изображениям поливной керамики из раскопок цитадели Мангула. На 23 графических рисунках представлен 171 фрагмент или археологически целые изделия (Герцен, Науменко 2005, рис. 1—23). В основном она состоит из 5 хронологических групп: 1) X—XI вв. (31 = 18,1%); 2) XIII в. (53 = 30,9%); 3) XIV (1 = 0,58%); 4) XV в. (79 = 46,2%); 5) XVI—XVII вв. (17 = 9,9%). Как видим, материал XIV в. представлен одним фрагментом (0,58% от общего количества опубликованных поливных изделий). По поводу данной находки, не определяя время и возможное место её производства, авторы пишут: «Для поливной посуды цитадели Мангула не характерны сосуды, сочетающие технику «граффито» с выемчатой по светлому ангобу. До сих пор обнаружен всего один фрагмент, вероятно, миски, с желтой глазурью» (Герцен, Науменко 2005, рис. 6: 12).

Количественное соотношение находок вряд ли можно объяснить случайностью выборки или почти полным уничтожением культурного слоя с материалом XIV в. в ходе строительных работ XV в. Ведь при раскопках цитадели выявлены достаточно представительные коллекции более раннего времени (X—XIII вв.). Опубликованные недавно коллективом авторов (А.Г. Герцен, А.Ю. Землякова, В.Е. Науменко, А.В. Смокотина) в статье «Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангул)» материалы не создают впечатления существования здесь чётко выраженного слоя, который бы свидетельствовал о массовом «сбросе» археологического материала XIV в. именно с юго-восточного склона мыса (Герцен, Земляко-

ва, Науменко, Смокотина 2006: 371—427, рис. 1—54). Представленная в данной публикации характеристика находок опять дана обобщённо, в необычайно широких хронологических пределах XIV—XVI вв. (в статье фигурирует как «комплекс находок из 2-го слоя в квадрате Б 2003 г.») (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 376—392).

И она оказывается полностью подчинена уже известной концепции существования памятника в феодоритский период (XIV — третья четверть XV вв.). Данный слой связан, как пишут авторы, «с формированием на плато города Феодоро — центра одноимённого княжества в Юго-Западной части Крыма... После разрушительного похода армии Тамерлана в конце XIV в. возрождается в 20-х гг. следующего столетия, постепенно приобретает столичный облик» (выделено мной — В.М.) (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 371).

Очевидно, что авторам не удаётся выделить из общего состава материала артефакты XIV в., связанные со слоем разрушения Мангупа в 1395 г. войсками Тамерлана. Поэтому они лаконично заключают: «Более 60% находок керамики, стеклянных, костяных, металлических изделий, с определенными оговорками (выделено мной — В.М.), характеризует материальный комплекс городища XIV—XV вв., прежде всего, его наиболее изученной на сегодня в археологическом отношении части — Мангупской цитадели» (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 391).

На фоне полученных элементарных статистических данных более чем странно выглядит заключение исследователей, касающееся стратификации материалов XII—XIII вв.³: «Заканчивая рассмотрение поливной керамики XII—XIII вв., подчеркнем, что *стратиграфические горизонты этого времени* (выделено мной — В.М.), как в цитадели, так и на остальной территории городища, до сих пор не выявлены. Поэтому вопрос о хронологии этих сосудов применительно к Мангупу пока остается открытым» (Герцен, Науменко 2005: 261).

Очевидно, поэтому, в статье «Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун», исследователи, намечая «в общих чертах основные

этапы истории городища» на протяжении III—XVIII вв., между 3 («Фемный (середина IX — середина XI вв.)» и 4 (Феодоритский (XIV — третья четверть XV вв.)) этапами оставляют ничем не объяснимую хронологическую лагуну протяженностью в два с половиной столетия в истории Мангупа (вторая половина XI — XIII вв.) (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 371). Хотя в своей статье «Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея» А.Г. Герцен, касаясь содержания надписи 1361/62, даёт следующее объяснение продолжительному отсутствию признаков жизни на памятнике: «Из текста следовало, что в начале 60-х гг. XIV в. на плато велись значительные строительные работы по «восстановлению Феодоро». Смысл этого выражения хорошо согласуется с археологическими данными (выделено мной — В.М.), которые показывают, что, по крайней мере, с середины XI по XIV вв. в жизни поселения был «мертвый сезон», представленный на городище лишь единичными артефактами (монета Андроника I, несколько фрагментов поливной посуды), не говоря уже о культурных напластованиях» (Герцен 2003: 570).

Однако, как видно из представленных выше подсчётов, опубликованный материал в виде фрагментов поливной посуды указывает на то, что в жизни Мангупа-Феодоро в XII—XIII вв. не было, по выражению А.Г. Герцена, «мертвого сезона», а по своей интенсивности он уступал только XV в. К тому же исследователь никак не комментирует появившееся в печати сообщение А.Н. Коршенко о находке на Мангупе медных скифатных монет с именами деспотов Мануила и Андроника, выпуск которых относится к 40—60 гг. XIII в. и связывается с попыткой организации здесь местной чеканки (Коршенко 1998: 48—49, рис. 1—2).

Выводу исследователя Мангупа о хронологической лагуне явно противоречит как массовость находок XII—XIII в., составляющих 30,9% всей поливной керамики X—XVII вв., так и их хорошая сохранность (некоторые изделия представлены целыми археологическими формами (Герцен, Науменко 2005: рис. 3; 5: 5)). Если «стратиграфические горизонты этого времени» не выявлены, то тогда возникает естественный вопрос, каким образом относительно хрупкие керамические изделия могли сохраниться в таком количестве и состоянии до нашего времени, будучи неоднократно перемещаемы при повсеместных строительных работах, начиная с 1362 г., как об этом пишет А.Г. Герцен? И где тогда находится широко

³ При этом для читателя может так и остаться не ясным, почему «вопрос о хронологии этих сосудов применительно к Мангупу остается открытым», если здесь же данная группа поливных изделий отнесена к XII—XIII вв.

анонсируемый А.Г. Герценом слой гибели Мангупа-Феодоро, связанный с якобы произошедшим летом 1395 г. нападением «орды Едыгея (креатуры Тимура)» (Герцен 2003: 577). В таком случае автор, ведущий исследования Мангупа более трех десятилетий, должен был представить в подтверждение правоты своих слов закрытые комплексы, содержащие (согласно его уверениям) материалы 60—90-х гг. XIV в. и стратифицированный слой разрушения города 1395 г. Однако, насколько мне известно, этого до настоящего времени не произошло.

В качестве литературных «доказательств» разрушения города Феодоро Тамерланом летом 1395 г. А.Г. Герцен использует 2 строки из поэмы иеромонаха Матфея (Байер 2001: 297, ст. 54—55): «...увидел и тела мертвых и массы останков и черепа без костей, а останков кучи...»⁴. Видимо, поэтому А.Г. Герцен заключает: «Строки 54—55 рисуют трагическую картину следов побоища» (выделено мной — В.М.) (Герцен 2003: 573). При этом исследователь указывает на то, что «Во время раскопок в разные годы и в различных местах плато обнаруживались человеческие скелеты, обычно без инвентаря, но с явными признаками соблюдения традиций христианского обряда (ориентировка, положение скелета), например, в заброшенных тарапанах (вырубных винодавильнях). Обычно такого рода находки отождествлялись с последствиями захвата города турками в 1475 г. Однако сведения Матфея не дают оснований для столь однозначных выводов. Вполне вероятно, что такого рода захоронения могли появиться ранее и отражать другую, более раннюю драматическую страницу в истории Феодоро» (Герцен 2003: 573).

Далее, по-видимому, в целях эмоционального подтверждения своего предположения, основанного только на разрозненных и безынвентарных (т.е. ничем не датированных) христианских захоронениях, А.Г. Герцен прибегает к помощи пространной цитаты из публикации Е.В. Веймарна, посвящённой изучению крепостных стен и некрополя Мангупа в 1938 г. В ней даётся описание вырубных склепов, расположенных в 100 м

к юго-западу от цитадели. Придётся и нам полностью процитировать данный пассаж, так как он занимает ключевое место в системе доказательств А.Г. Герцена о наличии на Мангупе реальных следов погрома 1395 г.: «Все пространство пола (склепа №1 — А.Г.) оказалось заваленным огромным количеством сильно перемешанных человеческих костей, заплывших темной слежавшейся сырой землей, особенно у входа, где она доходит до половины его... Под верхним слоем явно перемешанных костей, среди которых оказалось 77 человеческих черепов (43 из них совершенно целых), на полу склепа найдены были отдельные части костяков, лежавших нетронутыми...»

В верхних слоях (склепа №2 — А.Г.) находились остатки двух почти целых костяков, один на другом, причем их нижние конечности лежали высоко на ступенях дромоса, а верхние части были опущены настолько, что головы покойных оказались в простенке входа в камеру склепа... По-видимому, здесь в разное время было захоронено не менее 13 трупов, так как в простенке входа в камеру и в самом склепе близ входа, приблизительно на одном горизонте, было обнаружено соответствующее количество почти целых черепов...

У входа склеп был заполнен (толщина 0,40 м) мягкой желтоватой землей, прикрывавшей здесь сильно перемешанные остатки значительного количества человеческих костяков. У Юго-Западной и восточной стен склепа слой земли сходил на нет; здесь видны были сильно истлевшие человеческие кости, которые у стен лежали незначительным слоем — толщиной до 0,10 м. После выборки из склепа натечной земли до костного слоя были обнаружены сдвинутые со своих мест кости, среди которых оказалось 19 сильно истлевших черепов» (Веймарн 1953: 422—424).

Действительно, для непосвященного в археологические реалии средневекового Крыма читателя столь яркая картина описания человеческих останков, обнаруженных в ходе раскопок только двух склепов, может произвести сильное эмоциональное впечатление. К тому же А.Г. Герцен делает краткое резюме к цитате из работы Е.В. Веймарна: «В данном описании обращает внимание высокая концентрация погребений в двух относительно небольших склепах, явно использовавшихся не один раз. Достаточно ясно прослеживается, по крайней мере, два таких этапа. Приведенный в публикации обнаруженный здесь скудный вещевой материал, к сожалению, не расчленяющийся стратигра-

⁴ К этим словам Х.-Ф. Байер делает следующее примечание: «Если хорошо помню, в монастыре Великой Лавры черепа и кости после их эксгумации сохраняются отдельно. В нашем случае можно думать и о том, были ли упомянутые Матфеем тела мертвых останками убитых во время осады (см. ст. 118—129) и беспорядочно захороненных» (Байер 2001: 297, прим. 812).

фически, суммарно датируется не ранее XII и не позднее XV в. Правда, сам автор раскопок склонен был отнести сооружение склепов к V—VII вв., исходя из их сходства с соответствующими погребальными памятниками Эски-Кермена. Однако *синхронного инвентаря найдено не было, и приходится ограничиться предположением* о том, что первоначальные захоронения здесь были полностью уничтожены при использовании камер для *массовых захоронений* (выделено мной — В.М.) уже в период существования княжества Феодоро. Отметим, что описанная ситуация весьма соответствует картине, наблюдавшейся Матфеем, и именно в той части плато, через которую он наверняка проходил, направляясь к цитадели (рис. 2: 10), и которую он затем осматривал с вершины башни» (Герцен 2003: 573—574).

Из представленного выше заключения совершенно очевидно, что А.Г. Герцен не может найти и продемонстрировать датированных 90-ми гг. XIV в. и подтвержденных стратиграфией не только жилых, хозяйственных и оборонительных, но и погребальных комплексов. При этом, на фоне предлагаемой широкой датировки инвентаря захоронений — XII—XV вв. (сюда же входит и «отсутствующий» на плато Мангупа материал XII—XIII вв.) — ставится под сомнение и тезис о «массовых захоронениях» времени существования княжества Феодоро. Очевидно, что за четыре столетия при неоднократных подзахоронениях (перезахоронениях) в склепах вполне могли отложиться выявленные при раскопках останки.

Возникает вопрос: почему А.Г. Герцен, ведущий с 1975 г. систематические раскопки на плато Мангупа, вынужден прибегать к цитированию материалов Е.В. Веймарна, полученных ещё в период кратковременных разведочных работ 1938 г.? Невольно создаётся впечатление, что за всё время проводимых им исследований так и не удалось получить убедительных материалов, подтверждающих его гипотезу о захвате и разрушении города летом 1395 г. войсками Тамерлана.

Ответ на данный вопрос, очевидно, содержится в предвзятом, zaangażированном «чтении» (интерпретации) исследователем Мангупа не только «Сказания» Матфея, но и стратиграфии изучаемого им памятника. А.Г. Герцен, вероятно, находясь под «гипнозом обаяния» двух ярких письменных источников: строительной надписи 1361/62 г. и поэмы иеромонаха Матфея «Сказание о городе Феодоро», весьма приблизительно датируемой 1396 г., пытается выдать желаемое

за действительное. Плита с датой 1361/62 г. турмарха (?) Феодоро Хуитани к возведению цитадели отношения не имеет⁵, строительный горизонт этого времени в ходе раскопок А.Г. Герцена здесь не выявлен, как и не обнаружен на исследованной территории города слой его гибели в 1395 г. А иеромонах Матфей, прибыв на Мангуп и в середине XV в., все равно описал бы его как «опустевший город», так как из 90 га площади плато застроенной было не более 10—15% его территории⁶. В таком контексте, вероятно, и следует понимать им увиденное и сказанное в поэтической форме, но без особых

⁵ А.Г. Герцен, делая критическое замечание в мой адрес, настаивает на том, что «Данные археологических исследований в цитадели подтверждают нашу гипотезу о связи возникновения цитадели с содержанием упомянутой (1361/62 г. — В.М.) надписи. См. об этом ниже» (Герцен 2003: 571, прим. 6). Но сколько я ни смотрел «ниже», так до сих пор и не нашел каких-либо археологических доказательств, подтверждающих правоту гипотезы уважаемого автора, а одних словесных заверений уже явно недостаточно. К тому же нет никаких реальных архитектурно-археологических материалов, свидетельствующих о существовании на месте дворца-донжона второй половины XV в. башни, «с высоты» которой Матфей в 1395 г. наблюдал панораму Мангупа (ст. 51—55) и якобы затем «поглощённой» при цитадели реконструкции крепостного ансамбля цитадели. Вероятнее всего, Матфей поднимался на башню, располагавшуюся на самой оконечности мыса Тешкли-бурун (имеется в виду «Барабан-Коба» или комплекс №1 по нумерации Е.В. Веймарна): «Поверху он венчался дозорной башней, руины которой могли видеть посетители еще в начале прошлого века, сейчас от нее остались только вырубки в скале» (Герцен 2003: 575).

В целом, читая комментарий А.Г. Герцена к путешествию Матфея по Феодоро в 1395 г., создается впечатление, что иеромонах совершает прогулку по виртуальному городу, так как существование какого-либо из «зримых» им объектов именно в конце XIV в. не доказано на основании материалов раскопок памятника. Даже цитадель города, которой больше всего внимания уделяет А.Г. Герцен, «возводится» в 1362 г. не на основании выявленного в ходе раскопок и датированного на основании археологического материала строительного периода, а на предположении Р.Х. Лепера и поддержавшего данную гипотезу Н.И. Репникова, что цитадель есть не что иное, как «почтенная Пойка» надписи 1361/62 г. Решающим для исследователя в этом вопросе служит заключение эпитафиста В.Н. Малицкого о территориальной неразрывности Пойки с Феодоро (Герцен 1990: 146).

⁶ А.К. Шапошников предлагает свой перевод поэмы и более позднюю дату её написания. Касаясь персонализации автора «Описания города Феодоро», в комментарии к стихам, он пишет: «Мы полагаем, что речь идёт о Матфее, посетившем уже опустошённый город Феодоро *столетием позже* (выделено мной — В.М.); следовательно, он путешествовал, по крайней мере, в последней четверти XV в. Впрочем, описанное им зрелище страшного разорения в обоих случаях могло быть одинаковым» (Фадеева, Шапошников 2005: 230).

претензий на полную историческую достоверность.

В опубликованной диссертационной работе «Крепостной ансамбль Мангупа» А. Г. Герцен пишет: «На наш взгляд, это мнение наиболее соответствует наблюдаемой на Мангупе ситуации. Нет ничего странного в том, что цитадель имела особое, отличное от города в целом название...» (Герцен 1990: 146). Чтобы не быть голословным, автор, в подтверждение своего суждения, приводит и результаты исследований памятника: «При раскопках у тыльной стороны куртины А цитадели была открыта строительная траншея (рис. 36), перекрытая слоем строительного мусора. В ней среди маловыразительной строительной керамики были найдены фрагменты неорнаментированной столовой посуды, покрытой зеленой поливой, характерной для слоя XIV—XV вв.» (выделено мной — В.М.) (Герцен 1990: 146). Однако на рис. 36, представляющим собой ущербную в графическом исполнении схему, «заполнение строительной траншеи» отнесено именно к XIV, а не к XIV—XV вв. (Герцен 1990: рис. 36).

Как мне кажется, иную картину строительной периодизации цитадели Мангупа дали авторы раскопок (А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, С. А. Черныш) в своих отчётных материалах за 1995 г. Например, описываемый ими слой 3, представляющий собой «Плотный грунт серого цвета, насыщенный мелким бутовым камнем, разложившимся известковым раствором. Представляет собой насыпь, протянувшуюся вдоль куртины цитадели и перекрывающую слой разрушения построек нижнего строительного яруса. Высота её до 1,30—1,00 м, ширина основания до 3,00 м, расстояние от верхушки до крепостной стены — 2,00—2,60 м. Насыпь образовалась в результате выброса грунта из-под куртины для расчистки ее основания с целью проведения работ по наращиванию внутреннего панциря стены... Массовым материалом слоя является керамика X—XV вв. с незначительной примесью фрагментов раннесредневековых амфор, время образования его относится к рубежу XV—XVI вв.» (выделено мной — В.М.) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 44).

Хронологически со слоем 3 непосредственно связано и образование слоя 4, представляющего собой рыхлый «грунт серого цвета, насыщенный обработанным и необработанным камнем различных размеров, известковым раствором, керамическим материалом XIII—XV вв. с достаточно значительной примесью керамики и более раннего време-

ни, особенно X—XIII вв. ...Слой зафиксирован по всей площади раскопа, перекрывает строительные остатки нижнего яруса и является, кроме того, заполнением строительной траншеи куртины (ширина ее 0,50—1,00 м). Вышесказанное позволяет определить его как слой разрушения построек нижнего строительного яруса, образовавшийся в последней четверти XV в. Засыпь строительной траншеи хронологически синхронна со временем появления слоя 3 (рубеж XV—XVI вв.)» (выделено мной — В.М.) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 44).

Таким образом, исследователи цитадели Мангупа в 1995 г. пришли к заключению, что на рубеже XV—XVI вв. с внутренней стороны куртины проводились работы «по наращиванию внутреннего панциря стены». Материальным свидетельством строительной деятельности османов, нашедшей отражение в стратиграфии памятника, являются слои 3 и 4 рубежа XV—XVI вв. При этом слой 4 формирует заполнение строительной траншеи. Но при этом авторы статьи не забывают в очередной раз декларативно напомнить читателю о том, что «Строительство крепостной стены цитадели и связанную с ним перестройку уже существовавшего жилого комплекса на участке, примыкающем к куртине, на основании анализа полученного археологического материала и данных других источников (письменных, эпиграфических) можно отнести ко второй половине XIV в.» (выделено мной — В.М.) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 45). Остаётся только сожалеть, что до настоящего времени так и не представлен реальный анализ «полученного археологического материала и данных других источников», на основании которых возведение цитадели Мангупа «можно отнести ко второй половине XIV в.».

Тем не менее, проведенные раскопки цитадели позволили дать общую строительную периодизацию памятника: «Полученный материал говорит о непрерывном существовании на исследуемом участке застройки X—XV вв. Открытый жилой комплекс, в процессе своего функционирования, пережил три строительных периода. Первый (доцитадельный) связан с возникновением и существованием участка поселения с достаточно плотной застройкой во второй половине X — XIII вв.⁷

⁷ Судя по данной публикации, авторы не сомневаются в существовании на территории цитадели культурного слоя (в тексте слой 5), строительных остатков и разнообразных артефактов XII—XIII вв.: «Массовым материалом является керамика X—XIII вв. с приме-

Во второй половине XIV в. на мысе была сооружена цитадель. Одновременно произошла расчистка эспланады, во время которой пострадали культовые и хозяйственные сооружения, оказавшиеся перед крепостной стеной, подвергся существенной перестройке жилой комплекс у тыльной стороны северо-западной куртины. Последний строительный период рубежа XV—XVI связан с работами по укреплению крепостной стены (увеличение ее толщины) в связи с появлением огнестрельного оружия, после прекращения функционирования построек нижнего яруса в конце XV в.» (выделено мной — В.М.) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 46). К этому следует, видимо, добавить и дополнительно выделенную А.Г. Герценом «реконструкцию цитадели», якобы осуществленную в 20-е гг. XV в. князем Алексеем. Вот только на все три строительных периода оборонительной системы цитадели города Феодоро мы располагаем одной стратиграфией с одинокой строительной траншеей «XIV в.», заполненной материалом XIV—XV или рубежа XV—XVI вв.⁸

сью фрагментов позднеантичных и раннесредневековых сосудов. Важную роль для определения верхней даты слоя играет херсоно-византийская монета с монограммой «ро» первой половины XIII в., обнаруженная на полу помещения №7, перекрытом вымосткой из мергелевых плиток» (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 44).

⁸ В связи с рассматриваемым вопросом, подилетантски наивно, компилятивно и необидительно выглядят «рассуждения» А.И. Айбабина. Следуя в русле бездоказательных заключений А.Г. Герцена, он пишет: «во время археологических раскопок на плато (Мангупа — В.М.) не выявлен культурный слой XII—XIII вв. Возможно, его уничтожили в процессе активных строительных работ, развернувшихся на плато в XIV в. ... О них говорится в происходящих с плато надписях. Очевидно, в 1360-е гг. ремонтируются оборонительные стены, башни и главные крепостные ворота, а на мысе Тешкли-Бурун восстанавливается цитадель. Она представляет собой трехэтажный дворец, к которому с двух сторон пристроены куртины, протянувшиеся до неприступных обрывов. Тогда же (в 60-е гг. XIV в.? — В.М.) реконструируется возведенная в раннее средневековое время трехнефная базилика» (Айбабин 2003: 282). Так как за этими словами не стоит ничего оригинального и реального (например, А.И. Айбабин, по незнанию отличий в архитектурно-строительных приемах XIV и XV вв., донжон цитадели Мангупа второй половины XV в. пытается представить как сооружение 60-х гг. XIV в.), подтвержденного стратифицированным археологическим материалом, то их можно оставить без критики. А.И. Айбабин (Айбабин 2003: 282) также не успевает следить за переменами в мнениях А.Г. Герцена (Герцен 2001: 262—279) об очередном «изменении» архитектоники мангупской цитадели: «реконструкция (20-х гг. XV в.? — В.М.) крепостного ансамбля на мысе Тешкли-бурун поглотила первоначальный донжон» (выделено мной — В.М.). Поэтому, если следовать «новой» датировке А.Г. Герцена, А.И. Айбабин берет

3. В 1978 г. к исследованию крупнейшего средневекового города не только Крымского полуострова, но и всего Северного Причерноморья — Солхата — приступила экспедиция Государственного Эрмитажа, которую возглавил М.Г. Крамаровский. За истекшие годы систематических раскопок, ставших логическим продолжением исследований 1924—1928 гг. под руководством И.Н. Бороздина, на территории памятника частично или полностью изучены наиболее значимые монументальные архитектурно-археологические комплексы золотоордынского города второй половины XIII — XIV вв. — бывшей столицы Крымского улуса (Крамаровский 1989: 141). Однако в публикациях автора из раскопок Солхата представлены только единичные раритетные находки (в виде серебряных платёжных слитков — саумов, художественной поливной керамики и проч.), а среди архитектурных памятников города — скромная армянская церковь, незаслуженно названная исследователем «базиликой» (Крамаровский 1980: 68—72; 1991: 69—143, рис. 6: 1—3; 7: а, б, в; 8; 11: 1—3; 2004: 68—76).

Проведенные Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа архитектурно-археологические исследования позволили М.Г. Крамаровскому в своей первой обобщающей работе «Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв.» (Крамаровский 1989: 141—154) выделить наиболее существенные периоды «исторического развития города XIII—XIV вв., жизнь которого протекала в условиях повседневного общения представителей трёх религиозных деноминаций — мусульманской, христианской и иудейской» (Крамаровский 1989: 141—142, 152, рис. 2). Исследователь пришёл к заключению, что на четвертом этапе (охватывающем хронологический период с конца 80-х гг. XIV в. по первые десятилетия XV в.) населением Солхата «Разрушения тимуровского погрома, по-видимому, оказались не преодоленными вплоть до конца XV в.» (выделено мной — В.М.) (Крамаровский 1989: 154).

II. В поисках свидетельств письменных источников

Всегда интересно проследить путь, который проходит археолог-медиевист в поисках того или иного письменного источника,

ся описывать здание дворца-донжона цитадели 20-х гг. XV в. как постройку начала 60-х гг. XIV в.

способного придать особую «историческую окраску» полученной им в ходе раскопок «совокупности материальных свидетельств». Следует признаться, что зачастую это невозможно сделать. И не только потому, что путь сложен и долог, не потому, что исторические и археологические источники «говорят на разных языках», а ещё и потому, что между ними порой невозможно установить не только прямую, но даже косвенную связь.

Обратимся к современным исследователям и интерпретаторам результатов прежних исследований Херсона, Мангупа и Солхата, попробуем пройти пройденный ими путь «сближения» археологической иллюстративной составляющей и отобранных ими для этого письменных свидетельств.

Как мы видели, три исследователя (А.И. Романчук, А.Г. Герцен и М.Г. Крамаровский) солидарны в том, что Херсон, Мангуп и Солхат пострадали в 1395 г. от «нахлынувших» на территорию полуострова войск Тамерлана. Однако каждый из них пытается по-своему обосновать эту дату и предложить свои комментарии к источникам.

А.И. Романчук, как это уже было представлено выше, время образования слоя пожара и разрушения в портовом районе Херсона относит к 1395/96 г., когда якобы на территории полуострова появляется карательная экспедиция Тимура, действовавшая «против феодалов, выступивших на стороне Тохтамышша, в частности, против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура» (Романчук 1982: 90; 1997: 280; 2000: 185 и др.). Но при этом, ни в одной из своих многочисленных работ, А.И. Романчук не даёт обоснования, почему ею выбран именно данный «эпизод» из истории Крыма XIV в. и имел ли он вообще отношение к судьбе Херсона. Не находим мы у А.И. Романчук и какого-либо анализа письменных источников, касающихся событий 1395/96 гг. Исследовательница попросту ограничивается «глухой» ссылкой на работу 1973 г. Г.А. Федорова-Давыдова «Общественный строй Золотой Орды», делая к ней в монографии 2000 г. «Очерки истории и археологии византийского Херсона» дополнительное примечание: «Судя по данным раскопок в горных районах Юго-Западного Крыма, в этот же период пострадал от пожара Эски-Кермен» (Романчук 2000: 185, прим. 65). Сразу отметим, что примечание сделано крайне неудачно. Наиболее поздняя из монет, обнаруженных в слое тотального пожара и разрушения Эски-Кермена, относится ко времени правления никейского императора Феодора II Ласкариса (1254—1258), а архео-

логический материал из него идентичен находкам из слоя разрушения Херсона в последней четверти XIII в. (см.: Веймарн 1982: 73).

Вместе с тем, А.И. Романчук сосредотачивает своё внимание на спорах крымских иерархов конца XIV в. Но при этом делает акцент только на событиях 80—90-х гг. XIV в., лаконично отмечая, что до «80-х гг. XIV в. упоминания о херсонских иерархах редки: февраль 1340 г., сентябрь 1364 г. — участие в заседаниях Синода, 1356 г. — перевод из Ниссы в Херсон епископа Игнатия» (Романчук 2000: 199). Вероятно, поэтому от её внимания «ускользает» весьма важный эпизод из церковной истории Херсона XIV в., на который обратил внимание А.Л. Бертъе-Делагард, а вслед за ним и А.Л. Якобсон (Бертъе-Делагард 1920: 37; Якобсон 1950: 41). Например, согласно данным Актов Константинопольского патриархата, в июле 1365 г., а не в 1356 г., как пишет А.И. Романчук, вместо Кирилла кафедру митрополита Херсона получил Игнатий (Acta 1860—1862: 475; Das Register 1981: 2499). В сентябре того же года он находился в Константинополе, где принимал участие в заседаниях собора (Das Register 1981: 2502). До настоящего времени остаётся не выясненным вопрос — приступал ли Игнатий вообще к исполнению своих обязанностей иерарха Херсонской митрополии (Байер 1995: 69), потому что с октября 1365 г. управление его епархией было передано митрополиту Готии почти на 14 лет (до 1379 г.) (Das Register 1981: 2543).

В этом отношении весьма интересен армянский источник, относящийся непосредственно к событиям военно-политического характера, происходивших на территории полуострова летом 1365 г., но оставшийся вне внимания А.И. Романчук. В нём упоминается и Херсон. Имеется виду «часоц», написанный в городе Крым 23 августа 1365 г., когда «...в пору многонародного волнения, так как вся страна от Керча до Сарукармана (Херсона — В.М.) здесь собралась...» (Саргсян 2004: 153).

Для нас важна отражённая в источнике география происходивших в 1365 г. событий, охвативших весь полуостров — от Керчи на востоке и до Херсона — на западе. Причём часть населения (армяне и татары?) бежала из Херсона в Солхат в поисках защиты от грабежей и насильственной мобилизации в войско Мамаю. Таким образом, есть основание говорить, что война 1365 г. между Кутлуг-Тимуром и Мамаем затронула непосредственно и Херсон. На то, что город после упомянутых в армянском источнике событий опустел

(«обезлюдел») и переживал тяжелейший экономический кризис, косвенно указывают два факта: 1) отсутствие в Херсоне с 1365 по 1379 г. митрополита; 2) после 60-х гг. XIV в. наступает длительный перерыв поступления в Херсон джучидских монет (данный период представлен единственной (?) монетой хана Абдуллаха).

Столь редкое созвучие письменных источников в их корреляции с монетами (в том числе и с наиболее младшим номиналом) дает достаточно оснований предполагать, что Херсон в значительной степени мог пострадать летом 1365 г. от орды Мамая. Представленные А. И. Романчук в статье полные изделия указывают, что события, в результате которых произошло их отложение в культурном слое памятника, не выходят далеко за пределы середины — 60-х гг. XIV в. Не противоречит такому выводу и датировка аналогичных изделий, известных к настоящему времени. Более уверенно об этом можно было бы говорить, обладая полными сведениями о составе стратифицированного массового керамического материала из портовой части города в его сочетании с монетными находками⁹.

В отличие от А. И. Романчук, опирающейся в своих суждениях о событиях 1395 г. исключительно на научный авторитет А. Г. Федорова-Давыдова, А. Г. Герцен и М. Г. Крамаровский подошли более основательно к освещению данной темы, дополнительно обратившись не только к конъюнктурным реконструкциям событий, созданным историками XIX—XX вв., но и к свидетельствам письменных источников.

⁹ Вместе с тем, вероятно, не следует исключать полностью из политического контекста Юго-Западного региона Крыма и события войны 1344—1346 гг., которая велась ханом Джанибеком против генуэзцев на территории Крыма. Весной 1345 г. татарское войско, повторно появившись у стен Каффы, не стало предпринимать попыток штурма города, а направилось к Чембало, где генуэзцы не успели достаточно хорошо укрепиться, занимаясь рытьем рва, насыпкой вала и установкой на его гребне частокола из бревен. При приближении конницы жители Чембало, бросив всё, бежали в горы, а татары сожгли возведенные к тому времени оборонительные сооружения. Эти полуполюгендарные сведения, сообщаемые итальянским писателем конца XVIII в. В. Формалеони (Formaleoni 1789: сар. XXI), вполне подтвердились в ходе современного археологического изучения памятника (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005: 32—35). Поэтому можно только предполагать, что летом 1345 г., наряду с Чембало, от нападения татар мог в какой-то степени пострадать и Херсон, где в то время находилась генуэзская торговая фактория и католическая епископия.

Например, А. Г. Герцен делает краткий экскурс по историографии рассматриваемого им вопроса: «Определению узкой даты нашествия войск Тимура было уделено немало внимания различными авторами. Сопоставляя довольно противоречивые известия арабских летописцев, можно установить, что после взятия Таны в устье Дона в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Кафу (Эскалани). Эти события произошли в конце сентября — первой половине октября 1395 г. Осада и захват Феодоро остались вне поля зрения арабских источников, но это не удивительно, так как центр экономической жизни уже со второй половины XIII в. переместился в восточную часть полуострова. Кафа и Крым (Солхат) были наиболее известными на мусульманском востоке городскими центрами на северном побережье Черного моря, к ним было приковано главное внимание. Однако нашествие Тимура, естественно, должно было захватить и юго-западную часть полуострова, населенную в это время преимущественно христианами. Именно по такому сценарию развивался в 1299 г. рейд орды Ногай, вначале обрушившийся на Солхат, Кафу, Судак, а затем пронесшийся, разоряя все на своем пути, до Сары-Кермена (Херсона). Эдигей, руководивший военными действиями в Крыму, мог уже к концу осени пойти по тому же маршруту. Исходя из исторических ориентиров, трудно определить более узкую дату посещения разоренного города Матфеем» (выделено мной — В. М.) (Герцен 2003: 577).

По ходу историографического экскурса автор делает ряд важных примечаний, призванных глубже отразить затронутую тему. К таковым относится и заключение, что «В. Д. Смирнов считал неверными сведения арабских историков о том, что Тимур лично приводил войска в Крым и сражался здесь с Тохтамышем, на самом деле крымской кампанией руководил эмир Эдигей (Идика)» (Герцен 2003: 577, прим. 9).

После прочтения представленного текста создается впечатление, что А. Г. Герцен подошёл формально и поверхностно к освещению «крымского похода» Тимура, не замечая, что его исторические построения весьма близко напоминают то, что в своё время писал А. Л. Якобсон. Под «различными авторами», по-видимому и в первую очередь, следует понимать работы Ф. К. Бруна, В. Д. Смирнова, А. А. Васильева, А. Ю. Якубовского, М. Г. Сафаргалиева, Г. А. Федорова-Давыдова, В. Л. Егорова и других исследователей

истории Золотой Орды. А под «арабскими летописцами», оставившими довольно противоречивые известия, — Ибн Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи, Ибн Шохбу ал-Асади и Ибн Хаджара ал-Аскалани. Хотя, как это видно из представленного выше текста, А.Г. Герцен отдает предпочтение известному ориенталисту-историку XIX в. В.Д. Смирнову и одному из арабских летописцев — ал-Аскалани.

Более подробно свидетельства арабских авторов рассмотрим несколько ниже, а сейчас только замечу, что на основании их сообщений невозможно столь точно установить хронологию развития «событий» 1395 г., как это делает А.Г. Герцен¹⁰. Дело в том, что арабские летописцы, хотя и по-разному, но называют просто время возвращения посольства во главе с Тулуменом Алишахом ко двору султана Эззахыра: 18 сентября (ал-Макризи), 18 ноября (ал-Форат) и 17 сентября — 16 октября (ал-Асади) 1395 г. (Тизенгаузен 1884: 362, 442, 448; Золотая Орда в источниках 2003: 168, 197, 201). Вполне вероятно, что Тулумен Алишах попал в Крым (Солхат), а затем в Каффу, летом 1395 г.¹¹ Но всё-таки трудно понять логику хронологических расчётов А.Г. Герцена, так как на этом основании невозможно сделать вывод, что именно «в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Кафу», сославшись при этом на ал-Аскалани, который (из всех арабских писателей) о событиях 1395 г. имел самые смутные представления, т.к. указывает только год — «797 г.х.» (27 октября 1394—15 октября 1395 г.) (об этом см. ниже).

Фраза относительно развития сценария рейда «орды Ногая» 1299 г., «вначале обрушившейся на Солхат, Кафу, Судак, а затем пронесшейся, разоряя все на своем пути (выделено мной — В.М.), до Сары-Кермена»,

очевидно, более достойна применения в краеведческой научно-популярной брошюре, рассчитанной на непосвященного и эмоционально восприимчивого читателя. Зимний поход 1298/99 г. Ногая в Крым — тема отдельного разговора. А сейчас только отмечу, что мятежный беклярибек Токты не «обрушался» на Каффу, так как всегда покровительствовал генуэзцам. Длительный альянс Ногая с генуэзцами не остался незамеченным для Токты, и он, после «улаживания» государственных дел (полного подавления и уничтожения «партии» сепаратистов), в октябре 1307 г. осадил Каффу. Её защитники (600 человек — генуэзцев и греков) через 8 месяцев (20 мая 1308 г.) вынуждены были, сев на корабли, покинуть подожжённый ими город. Вернуться вновь на полуостров генуэзцы смогли только после смерти Токты и воцарения Узбека. А в 1298—1299 гг. генуэзцы были заняты войной с Венецией. Каффа в 1296 г. подвергалась нападению венецианского флота, а не нашествию «орды Ногая» в 1298/99 г. Карательная экспедиция Ногая, предпринятая им в конце 1298 г., проходила в обстановке гражданской войны, начавшейся между ханом Токтой и беклярибеком. Причем сепаратистские устремления Ногая не получили полной поддержки со стороны населения городов Таврики. Это и послужило основной причиной (поводом явилось убийство «в Кафе», а на самом деле в Солхате, внука Ногая Актаджи) организации похода для приведения к покорности населения полуострова. Рукн-ад-Дин Бейбарс (умер 4 сентября 1325 г.) — единственный из арабских историков, оставивший нам описание похода Ногая в Таврику. Но он явно не имел ясного представления о географии происходивших в далёком Крыму событий 1298/99 гг., называя местом убийства Актаджи Каффу, а не Солхат (Крым)¹².

¹⁰ Известные в письменных источниках расчёты времени передвижения между городами и реками на территории Улуса Джучи сделаны для купеческих караванов, а не для передвижения войск (см., например, сообщение ал-Омари (Тизенгаузен 1884: 236—237; Золотая Орда в источниках 2003: 106)). Всадники перемещались намного быстрее и могли преодолевать в день от 60 до 100 км.

¹¹ В недавно вышедшей работе «Христианская община Мангула под властью турок» А.Г. Герцен, не давая при этом каких-либо дополнительных пояснений, что именно повлияло на изменение хронологии событий, относит захват и разрушение Феодоро войсками Тимура к более раннему времени, так как «Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей летом 1395 г.» (Герцен 2006: 27).

¹² В.Г. Тизенгаузен в переводе неверно заполнил одну из лакун в последнем предложении, указывающую на место действия, поставив вместо города Крым город Каффу. Вместе с двумя приписками, помещёнными В.Г. Тизенгаузен в примечаниях (№ 17 и 18), текст главы, названной в «Летописи Бейбарса» «Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногая, в Кафе (Крым — В.М.)» будет выглядеть следующим образом: «В 698 году /9 октября 1298—27 сентября 1299 г./ было убито в городе Кафе (г. Крым — В.М.) упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями /его/ и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его || (прим. 17) потому что он /Токта/ (Ногай — В.М.) подарил ему /Ногаю?/ (Актаджи — В.М.) его /Крым/; тот /Актаджи/ отправился туда, и вместе с тем (с ним — В.М.) эмир по имени Эльтабрас, сын

К сюжету, связанному с разрушением Солхата войсками Тимура в 1395 г., М. Г. Крамаровский более подробно обращается в статье «Джучиды и Крым: XIII—XV вв.» (Золотая Орда в источниках 2003: 506—525): «Видимо, правление Таш-Тимура продлилось до прихода в Крым отрядов Тимура сразу же после победы на Тереке в 1395 г. (выделено мной — В. М.); Ибн Дукмак и Ибн ал-Форат, заимствовавший свои сведения у Ибн Дукмака, говорят о 18-дневной осаде отрядами Тимура Каффы (Тизенгаузен 1884: 330, 364), а Шериф ад-дин Езди — о сожжении Азова» (Тизенгаузен 1941: 180). Затем исследователем, со ссылкой на работу 1844 г. некоего «В. Малиновского» (на самом деле автором опубликованной в ЗООИД рецензии на книгу польского исследователя А. Пржздецкого был В. Линовский) высказывается предположение: «Весьма вероятно, что *наместником*

Солхата в период тимуровских потрясений был второй сын Кутлубуги Синан (Dominus Sinan, Filius Chotiubei)» (Крамаровский 2003: 521).

Как видим, М. Г. Крамаровский не может определить, кто же на самом деле являлся наместником Солхата «в период тимуровских потрясений» — Таш-Тимур или Синан? Но имеющиеся источники вполне определенно указывают на то, что сын Кутлубуги Синан в 1394 и 1398 гг. выполнял дипломатические миссии, являясь, по-видимому, послом Тохтамышша к Витовту. Чингизида Таш-Тимур-оглана мы встречаем в 1391 г. в составе армии Тохтамышша в «местности Кундурче» (Золотая Орда в источниках 2003: 348). В апреле 1395 г., перед сражением на Тереке, среди знатных лиц правого крыла Улуса Джучи, упомянут и Таш-Тимур-оглан. При этом ни в одном из сражений не отмечено участие Синана. Таким образом, вопрос о наместнике Солхата в первой половине 90-х гг. XIV в. должен быть, видимо, решён в пользу Таш-Тимура. Причём именно ему историографическая традиция, без каких-либо убедительных доказательств, незаслуженно навязывает роль противника Тохтамышша. Это опровергает не только участие Таш-Тимура вместе с Тохтамышем в двух сражениях с Тимуром, но также и специально организованное Тимуром преследование эмиром Османом, отступающих к Днепру Таш-Тимура и Актау.

Затем М. Г. Крамаровским делается лаконичное и точное замечание, что «Едва ли не все сведения арабских источников о тимуровском погроме в Крыму восходят к сообщениям египетского посла к Тохтамышшу эмира Тулумена Алишаха, согласовавшего было вопрос о не состоявшемся военном союзе против Тимура. Тот же Ибн ал-Форат, после передачи известия о тимуровской кампании в Крыму, очень скупо сообщает, что уже в 1396 г. войска Тохтамышша снова осаждают генуэзскую Каффу» (Крамаровский 2003: 521).

Весь сюжет, посвящённый пребыванию войск Тимура в 1395 г. на территории полуострова, М. Г. Крамаровский завершает: «*Солхат-Крым, пострадавший еще в тимуровскую кампанию, весь двадцатилетний период властвования Едигея так и не вышел из состояния стагнации (по свидетельству Иоанна де Галонифонтибуса, в начале XV в. (1404 г. — В. М.) большая часть города все еще лежала в развалинах)»* (Крамаровский 2003: 522).

Как видим, исследователь не приводит каких-либо доказательств из материалов мно-

Касра (?), да войско приблизительно в 4000 всадников ||. Тот пришел в Кафу, а это город /принадлежащий/ Генуэзским Франкам, между Стамбулом и между Крымом, и потребовал от её жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что для еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они /жители/ напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско || (прим. 18) в обществе Маджи, одного из эмиров ||. Оно ограбило его /город Кафу/ (Крым — В. М.), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нём купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман (Херсон — В. М.), Кырк-Иери (т. е. Чуфут-Кале), Керчь и другие» (Тизенгаузен 1884: 111—112; Золотая Орда в источниках 2003: 61).

Если принять во внимание явную ошибку «Летописи Бейбарса», связанную с заменой в тексте города Крым — столицы провинции одного из улусов государства Джучи, на генуэзскую Каффу, то получится вполне логичный и информационный сюжет: «Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногая, в [Крыму]». «В 698 г. х. было убито в городе [Крым] упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями /его/ и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его, потому что он [Ногай] подарил ему [Актаджи] его /Крым/; тот/Актаджи/отправился туда, и вместе [с ним] эмир по имени Эльтабрас, сын Касра (?), да войско приблизительно в 4000 всадников. Тот пришёл в [Крым] [...] и потребовал от [его] жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что из еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они /жители/ напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско в обществе (во главе, в сопровождении? — В. М.) Маджи, одного из эмиров. Оно ограбило его /город/ [Крым], сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Иери, Керчь и другие».

голетних раскопок памятника, а опирается исключительно (в собственной интерпретации) на «свидетельства» письменных источников. Например, тот же Иоанн де Галонифонтибус прямо не говорит о том, что причиной запустения Солхата, большая часть которого и в его время «лежала в развалинах», явилось именно нашествие войск Тимура (Галонифонтибус Иоанн де 1980: 14).

Если бы М.Г. Крамаровский более внимательно прочитал извлечения из сочинения Шереф-ад-дина Езди «Книга побед», то заметил бы, что после разгрома на Тереке, преследуемые эмиром Османом «*Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища [спасения] в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка, где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских*» (Золотая Орда в источниках 2003: 357—358). Сторожевым отрядом Тимура командовал эмир Осман, который «*в местности Манкерман ограбил Бек-Ярык-оглана*» (Золотая Орда в источниках 2003: 357).

Увлечшись грабежами, преследователи упустили Таш-Тимура и Актау, дав им и их людям возможность переправиться через Днепр. Зная о том, что в Крыму нет тумана Актау и Таш-Тимура, эмир Осман пошёл на север, а не на юг. Таким образом, в 1395 г. Солхат, как и весь улус, опустел не от мнимого нашествия войск Тимура, а потому, что вместе с Актау и Таш-Тимуром из Крыма ушло и подвластное им население.

Большинство исследователей, касаясь заключительного этапа войны Тимура с Тохтамышем в 1395/96 гг. и её последствий для Крыма, обычно ограничивались ссылками на очень близкие по содержанию сообщения «Летописей» Ибн Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи, Ибн Шохбы ал-Асади и Ибн Хаджар ал-Аскалани (Золотая Орда в источниках 2003: 154, 168, 197, 201, 204). При этом сами источники крайне редко цитировались, а в большинстве случаев сразу предлагалась интерпретация «известных событий». Наиболее полное отражение комплекса разнообразных письменных источников (сообщений арабских и персидских авторов, русских летописей и польских хроник), повествующих о войне 1395 г. между Тохтамышем и Тимуром, её политических и экономических последствий для Улуса Джучи, можно найти не у В.Д. Смирнова, которого так любят цитировать исследователи средневеко-

вого Крыма, а у А.Ю. Якубовского (Греков, Якубовский 1998: 249—296).

В.Д. Смирнов, работая над «Историей Крымского ханства» во второй половине 80-х гг. XIX в., имел в своём распоряжении не только изданный в 1884 г. первый том В.Г. Тизенгаузена, содержащий «*извлечения из арабских авторов*», но и *отдельные фрагменты из сочинений персидских историографов. Причём сам В.Д. Смирнов весьма скептически относился к достоверности сведений, сообщаемых арабскими летописцами о событиях в Орде и допускаемой ими «хронологической путанице, бывшей последствием недостаточности сведений о происходившем в Деште-Кыпчаке и в Крыме...*» (Смирнов 2005: 144). Поэтому, касаясь последствий войны 1395 г., он писал: «Некоторые из арабских историков сообщают при этом, что разбитый Тохтамыш бежал в земли русские, а Тимур-Ленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял ее и разорил». Далее исследователь, со ссылкой на Ф.К. Бруна, заключает: «Но они ошибаются в этом случае: *предание о том, что Тимур-Ленк, сражаясь с Тохтамышем, лично проникнул в Крым, признано теперь неверным*» (Брун 1879: 232). Возможность ошибки со стороны арабов по части сведений о судьбе Тохтамыша явствует из самого разночтения их между собой. Ибн-Хальдун, например, прямо сознается, что «затихли известия о нем (о Тимур-Ленке) на некоторое время, но потом, в 797 = 1394—1395 году, пришло известие, что султан Тимур одержал победу над Тохтамышем, убил его и завладел всеми землями его»; тогда как положительно известно, что Тохтамыш окончательно был поражен в 1399 году... У другого араба, Эль-Аскалани, вышел такой курьез: в 798 = 1395—1396 году, говорит он, «был убит тюрк Токтамыш-хан, владетель земли Дештской, после поражения его Ленком; убил его один из татарских эмиров, по имени Темир-Кутлу», а в следующем, 799 = 1396—1397 году, будто бы «произошло великое сражение между (убитым-то) Тохтамыш-ханом, владетелем земли Дештской, и между гунуэзскими франками» (Смирнов 2005: 143).

В.Д. Смирнов, по-видимому, был первым, кто привлёк и свидетельства османских историков, также повествующих о событиях 1395/96 гг. Особую популярность среди исследователей средневекового Крыма (см., например, работы А.Л. Якобсона и А.Г. Герцена) получил турецкий историк середины XVII в. Печеви. Ссылаясь на Алты-Пармака и вторично коснувшись вторжения Тимура

во владения татарские», Печеве повествует так: «Урус-хан стал было ханом; но против него выступил Тохтамыш-хан. Тот был прогнан и, нашед прибежище у Тимур-Ленка, был причиною нашествия Тимура на Дэшти-Кыпчак. Два или три раза он приходил с несметными войсками в Дэшт и Крым, и эти населённые владения, попоранные копытами скотов грабительского войска татарского, сравнялись с землею...» (выделено мной — В.М.) (Смирнов 2005: 150). Как видим, Печеве в своём сообщении необычайно лаконичен и ничего нового и конкретного, кроме дополнительной эмоциональной нагрузки, не дает. В основе знаний Алты-Пармака о войнах между Тохтамышем и Тимуром явно лежат сведения арабских летописцев (отсюда, видимо, и количество «походов» Тимура «в Дешт и Крым»).

Но, вместо дальнейшего цитирования рассуждений классика исторической науки, предлагаю обратиться к самим источникам, чтобы дать возможность читателю составить собственное мнение о характере и степени достоверности их повествования.

Например, в летописи Ибн Дукмака, озаглавленной «Драгоценная жемчужина в жизнеописании халифов и султанов» (Тизенгаузен 1884: 315; Золотая Орда в источниках 2003: 150), события войны между Тимуром и Тохтамышем в 1395 г. освещены следующим образом: «В 797 году [27 октября 1394—15 октября 1395 г.] произошло сражение между Тимурленком и Тохтамышханом; окончилось оно поражением Тохтамышхана, который после поражения своего бежал в землю Русских; всё [это произошло] во время пребывания [в Типчаке] гонца султана [Египетского] Эльмелик-Эззахыра, т.е. эмира Тулумен-Алишаха. Услышав о поражении [Тохтамышша], он уехал из Сарая и прибыл [сперва] в Крым [т.е. Солгат], потом в Кафу, владетель которой не позволил ему отправиться [в Египет] до тех пор, пока не взял с него 50 000 дирхемов. Тогда он разрешил ему [отъезд] и отправил его да ходжу Измаила, и бывших с ними двух лиц в Самсум. Здесь они оставались до тех пор, пока подтвердилось у них известия о том, что Тимурленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял и ограбил её. В это время прибыли упомянутые лица в Египетские земли и рассказали об этом [султану]» (выделено мной — В.М.) (Тизенгаузен 1884: 329—330; Золотая Орда в источниках 2003: 154).

У Ибн ал-Фората (1334/35—1404/5) (Тизенгаузен 1884: 351; Золотая Орда в источниках 2003: 164) в «Летописи царств и царей», содержащей сведения за 1107—1397 гг.,

читаем: «В четверг, 23 джумадиэльэввелля 796 года [26 марта 1394 г.] прибыли в Дамаск богохранимый послы Тохтамышхана, вступившего на престол Узбек хана в странах Кипчакских. Султан Эззахыр пригласил их к себе, и они поднесли ему привет и послание его [Тохтамышша], содержащее просьбу, чтобы султан и он были одной рукою на мятежника-злодея Тимурленка.

В субботу, 2 дзульхиддже 797 года [18 ноября 1395 г.] явился к высочайшему двору эмир Тулумен Алишах, который ездил посланцем к царю Тохтамышхану, вместе с ходжей Медждедином Исмаилом. Он сообщил султану Эззахыру, что был у Тохтамышхана и что он обещал ему всего лучшего. В это самое время пришло известие, что Тимурленк идёт на него [Тохтамышша]. Тогда он [Тохтамыш] отправился [в поход] и двинулся со своими войсками, [но] ему изменил один из его приближенных и перешёл к Тимурленку. Затем они встретились и бились три дня. Тохтамыш был разбит и бежал в земли Русских. Во всё это время Тулу[мен] находился в Сарае. Когда пришло известие о поражении [Тохтамышша], то он [Тулумен] уехал и направился в Крым, а оттуда в Кафу. Владетель её [Кафы] не разрешил проезда ему и бывшим с ним, но он [Тулумен] дал ему 50000 дирхемов, и он [владетель Кафы] дозволил ему [уехать]. Тогда он [Тулумен], ходжа Исмаил и бывшие с ним переправились в Самсун и пробыли в Самсуне до тех пор, когда пришли известия, что Тимурленк овладел Крымом, осаждал Кафу 18 дней, взял её и разорил. Затем эмир Тулу[мен], ходжа Исмаил и бывшие с ними явились к высочайшему двору и сообщили об этом.

В субботу, 16 джумадиэлахыра 799 года [17 марта 1397 г.] к высочайшему двору, в Мыср богохранимый, пришло известие, что кан Тохтамышхан, государь стран «Северные степи», сидевший на престоле Беркехана в землях Кипчакских, собрал войска и пошёл на владетеля города Кафы, лежащей на берегу Крыма [и] принадлежащей Генуэзским Франкам, что между ними произошло сражение и что кан Тохтамышхан приступил к осаде её» (выделено мной — В.М.) (Тизенгаузен 1884: 363—364; Золотая Орда в источниках 2003: 168).

Близкую, но более краткую версию излагает и Абулаббас Ахмед Таки ад-Дин ал-Макризи (род. в 766 г.х. [28 сентября 1364—17 сентября 1365 г.], а умер в 845 г.х. [22 мая 1441—11 мая 1442 г.]) в «Книге путей для познания династий царских» (Тизенгаузен 1884: 417; Золотая Орда в ис-

точниках 2003: 190): «В субботу, 2 дзульхидджа 797 г. [18 сентября 1395 г.], прибыл эмир Тулумен Алишах, ездивший к Тохтамышхану, [и сообщил], что после того, как он согласился с ним [Тохтамышем] воевать против Тимура, Тимур выступил в поход против него [Тохтамышша], что последний пошёл на него и бился с ним 3 дня, но был разбит Тимуром и ушёл в землю Русских. Тогда Тулумен выехал из Сарая в Крым и *отправился в Кафу, правитель которой захватил его, чтобы этим снискать расположение Тимура [и держал его у себя], пока не взял с него 50000 дирхемов. Тимур же занял Крым и Кафу и разорил её*» (выделено мной — В.М.) (Тизенгаузен 1884: 442; Золотая Орда в источниках 2003: 197).

Менее всех последователен и противоречив в своём сообщении («Извещение неразумных о детях века») Ибн Хаджар ал-Аскалани (23.02.1374—22.02.1449) (Тизенгаузен 1884: 449; Золотая Орда в источниках 2003: 203): «В 797 году [27 октября 1394 — 15 октября 1395 г.] между Тохтамышханом и Тимурленком произошли сражения, в которых победа осталась за Тимурленком. Он отправил сына своего в Гилян и овладел им. Тохтамышхан бежал в землю русских. *Потом он [Тимур] направился в Крым и овладел им, затем в Кафу, которую он также взял и разорил.* Прибыли [в Египет] с этим известием послы Эльмелик-Эззахыра, которых он посылал к Тохтамышхану в дзульхиддже; старший из них назывался Тулу. Они сообщили, что Тохтамышхан напал на Ленка вскоре после ухода от него, что часть приверженцев Тохтамышша покинула его, что он был разбит, что Тулу бежал [сначала] в Сарай, потом направился в Крым, а затем в Кафу и [оттуда] в Самсун, и что *до них дошло известие, что Ленк овладел Крымом, обложил Кафу, осадил её и завладел ею.* Тулу же употребил все средства, чтобы прибыть в Каир.

В этом же году произошло сражение между Тохтамышем и Тимурленком; битва продолжалась три дня. Потом Тохтамыш был разбит и ушёл в землю Русских. *Тимурленк [же] овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, потом занял и разорил её.*

Об умерших в 798 г. [16 октября 1395 — 4 октября 1396 г.]. В этом (?) году *был убит Тюрк Тохтамышхан*, владетель земли Дештской после поражения его Ленком. Убил его один из Татарских эмиров по имени Темиркутлу.

В 799 г. [5 октября 1396 — 23 сентября 1397 г.] *произошло великое сражение между Тохтамышханом, владетелем земли*

Дештской, и между Генуэзскими Франками» (выделено мной — В.М.)» (Тизенгаузен 1884: 204; Золотая Орда в источниках 2003: 204).

Несколько иначе об этом сказано в летописи «Извещения по истории людей ислама» главного кадия Дамаска Ибн Шохбы ал-Асади (1377—1446/1448 гг.) (Тизенгаузен 1884: 443; Золотая Орда в источниках 2003: 200), который вовсе не упоминает о захвате и разорении Каффы войсками Тимура: «В дзульхиддже 797 года [17 сентября — 16 октября 1395 г.] прибыл в Египет Эмир Тулумен Алишах, ездивший к царю Тохтамышхану. Он сообщил султану, что виделся с Тохтамышем, и что последний обещал ему всего лучшего; в это самое время дошло до него [Тохтамышша] известие, что Тимурленк идёт на него, и он [Тохтамышш], сев на коня, двинулся в поход со своими войсками, но один из эмиров его изменил ему и ушёл к Тимурленку. Потом они встретились и бились три дня. Тохтамышхан был разбит и бежал в землю Русских. Всё это время Тулу[мен] находился в Сарая, но когда до него дошло известие о поражении [Тохтамышша], то он *отправился [сперва] в Крым*, а потом в разные стороны, пока до него не дошло известие, что *Тимурленк овладел Крымом.* Тогда Тулу[мен] направился в Египет и сообщил об этом [султану]» (Тизенгаузен 1884: 448; Золотая Орда в источниках 2003: 201).

Все арабские источники явно следуют в русле единого протографа, которым, вероятнее всего, являлось официальное сообщение о посольстве эмира Тулумена Алишаха, отправленного египетским султаном Эльмелик-Эззахыром к Тохтамышшу для обсуждения совместных действий против Тимура. При всей подкупающей эпиграфической лаконичности и «конкретике фактов», данная версия содержит откровенно тенденциозные и ошибочные сведения об осаде и разорении Тимуром золотоордынского Крыма (Солхата) и генуэзской Каффы (Ибн ал-Форат, ал-Макризи, Ибн Хаджар ал-Аскалани). Весьма симптоматично, что они не подтверждаются как латинскими и армянскими документами того времени, так и данными археологических исследований этих городов. Ни сам Тулумен Алишах, ни сопровождавшие его лица не были свидетелями захвата Тимуром Крыма, осады и разорения Каффы, т.е. их сообщения основываются только на слухах («полученных известиях»).

Ещё болеестораживает и вызывает недоверие к свидетельствам арабских летописцев (Ибн-Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи), сообщение о баснословной взятке

в 50000 дирхемов, якобы данной Тулуменом Алишахом «владельцу Кафы». Очевидно, что о получении такой суммы «за проезд» египетского посольства не подозревал и сам консул Кафы 1395 г. Элиано Центурионе (Eliano Centurione) (Balard 1978: 903).

Иначе представляют ход событий и последствия войны между Тимуром и Тохтамышем в 1395/96 гг. писатели, близкие к правителю Самарканда. Так, у Ибн Арабшаха, в его сочинении «Чудеса преодоления в судьбах Тимура» (1388—1450) (Тизенгаузен 1884: 455; Золотая Орда в источниках 2003: 205), посещавшего в свое время и Крым (Солхат), в рассказе о перипетиях кампании 1395 г. кратко отмечено, что «*Передовые войска его [Тимура] дошли до Азака, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и [все] эти края...*» (выделено мной — В.М.) (Золотая Орда в источниках 2003: 211).

Получивший известность благодаря своей пышной риторике (из-за чего Тимур забрал его труд) Гийассаддин Али в сочинении «Дневник похода Тимура в Индию» удивительно лаконичен в описании событий 1395/96 г.: «Последовал приказ отправиться на границы Дашт-и-Кипчака и в другие области Туктамыш-хана от Сарая и Астрахани до Крыма и земель франков. И [вся] эта беспредельная страна была очищена от сопротивления противников [его величества] и освобождена от смуты [его] недругов» (Гийассаддин Али 1958: 57). На основании данного автора невозможно прийти к заключению, что Тимуром был завоеван Крымский улус и земли франков.

Более подробно действия войск Тимура в 1395/96 гг. на территории Золотой Орды описаны в сочинении персидского автора Низам-ад-дина Шами в «Книге побед», который в 1401/1402 г., по личному поручению Тимура, приступил к составлению истории его царствования¹³: «Преследуя правое крыло войска врагов в сторону реки Узи, Тимур снова повёл войско на набег (илгар) и, дойдя до реки Манкерман в стороне реки Узи, разграбил область Бек-Ярыка и всё хозяйство их, кроме немногих, которые спаслись. *Таш-Тимур-оглан и Атаку (Актау — В.М.) ушли в сторону врага и достигли местности Уйматай. Повернув обратно от реки Узи, войско, которому повинуется мир, достигло Бек-Ярыка и, прижав к реке Тан, стеснило и обесслело его...* Мирза Мираншах, сделав

набег на врагов, вернулся со стороны Азака. *Тимур, дойдя до крепости Азак, взял всю ту область и сжег их дома. Выделив мусульман тех областей, он отпустил их, а неверных тех областей всех предал смерти...* (выделено мной — В.М.)» (Золотая Орда в источниках 2003: 307).

Ещё один персидский автор, Шериф-алдин Йезди (умер в 1454 г.), в своём сочинении, также названном «Зафар-наме» («Книга побед», закончена в 1424/25 г. в Ширазе)¹⁴ наиболее детально описывает западный поход Тимура в Дешт-и-Кипчак после разгрома Тохтамышша в 1395 г.: «Направляясь против правого крыла улуса Джучихана, он двинулся в ту беспредельную степь к реке Узи и в стороне которой отряд назначил эмира Османа, который, взяв проводников, отважно отправился в путь. Дойдя до реки Узи, он в местности Манкерман ограбил Бек-Ярык-оглана и некоторых из находившихся там людей улуса узбекского и большую часть их покорил, так что лишь немногие, и то с одной лошадей, смогли спастись. *Баш-Тимур-оглан (Таш-Тимур-оглан — В.М.) и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами.* Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища [спасения] в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка (Исаки в Добрудже? — В.М.), где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских. Подобные небосводу войска на берегу реки Тана еще раз окружили Бек-Ярыка; спереди у него оказалась река-кровопийца, сзади отважное войско. Дойдя до Карасу (г. Елец — В.М.), одного из городов русских, они разграбили весь город внутри и снаружи. Бек-Ярык-оглан дошёл до полного изнеможения и бессилия... Мирза Мираншах, Джеганшах-бахадур и другие эмиры — темники и тысячники повернули назад, со своими воинами вторично произвели набег на правое крыло Джучиева улуса и, придя туда, уничтожили Бек-ходху и других эмиров со всем улусом онкол [правой руки], убивая, забирая в плен и разоряя. Города Сарай и Урусчук они также ограбили и весь улус и области подчинили своей власти... Тимур двинулся на Москву, которая также один из городов русских. Прибыв туда, победоносное войско [его] также опустошило всю ту область, вне города, разбило и уничтожило

¹³ Подробнее об авторе и истории написания его книги см.: Золотая Орда в источниках 2003: 307.

¹⁴ Более подробно об авторе и его книге см. в прим.: Золотая Орда в источниках 2003: 367.

всех эмиров тамошних... Могущественный Тимур, взяв проводника, отправился оттуда в Бальчимкин. Когда он достиг крепости Азака, мирза Мираншах с бывшим при нём войском, пройдя по берегу реки Тан и ограбив неприятеля, присоединился там к царственному поезду. Последовал обязательный приказ, чтобы в Азаке мусульман отделили от прочих общин и отпустили, а всех неверных предали мечу джихада и, ограбив дома их, сожгли... Победоносное знамя выступило оттуда [из Азака] и двинулось к Кубани. Черкесы сожгли луга, которые находятся между Азаком и Кубанью...» (Золотая Орда в источниках 2003: 357—359).

Как видим, две представленные в письменных источниках версии похода Тимура, принципиально отличаются. В «египетской» версии, после бегства посольства из Сарая, фигурируют два крупнейших города, расположенных на территории полуострова — Крым (Солхат) и Каффа, якобы захваченные и разграбленные войсками эмира за «18 дней». В то же время в «самаркандской», наиболее близкой к Тимуру версии, «крымская» часть «похода» вообще не упоминается, а отмечено только движение войск эмира Османа, посланного в погоню за Таш-Тимур-огланом и Актау, до реки Узи (т.е. Днепра). Случайно ли это различие?

До настоящего времени, путём искусственного и недостаточного критичного объединения обеих существующих версий, выстраивалась «реконструкция всего похода» 1395/96 гг. Тимура в Юго-Западных владениях Золотой Орды. Вероятнее всего, «египетская» версия была создана для оправдания Тулуменом Алишахом и его спутниками (перед общественным мнением) своих дипломатических неудач, поспешности бегства из городов Крыма (Солхата) и Каффы, а также понесенных затрат (но не в 50 000 дирхемов), которые можно было объяснить только непосредственной близостью смертельной опасности со стороны войск Тимура. Вместе с тем, совершенно очевидно, что историографы Тимура, описывая его поход, прекрасно зная о Крымском улусе Золотой Орды, не могли упустить из виду пребывание хотя бы части войска на полуострове, захват и разорение его столицы — Крыма (Солхата) и ещё одного крупнейшего города Причерноморья — генуэзской Каффы. Тем более, что об этом «эпизоде», как было отмечено выше, красноречиво умалчивают армянские и латинские письменные источники.

К тому же, несмотря на многолетние археологические исследования, ни на одном

памятнике средневекового Крыма до сих пор так и не был обнаружен хотя бы один закрытый комплекс 1395 г. (конца XIV в.). Поэтому утверждения А.И. Романчук, А.Г. Герцена и М.Г. Крамаровского о том, что якобы в 1395 г. войсками Тимура (или его «креатуры» Идигея) оказались разрушены Херсон, Мангуп и Солхат-Крым, основаны на старой историографической традиции, а не на археологических материалах и комплексном изучении нарративных источников. После 1391 г. Идигу называть креатурой Тимура — некорректно, т.к. Идигу вместе с Кутлук-Тимуром, под предлогом «сбора своего народа», покинули ставку эмира на р. Кундурче и более к нему не возвращались. Сведения о них отсутствуют в источниках до 1397/8 г., когда Кутлук-Тимур и Идигу вступают в открытую борьбу с Тохтамышем за власть в Орде.

Таким образом, «крымский поход» Тимура в 1395 г. — является вымыслом историографов египетского султана. Столь же бездоказательны «сообщения» арабских летописцев об осадах и походах 1396—1397 гг. Идигу и Тохтамыша на Каффу. Старанным образом, но именно жители генуэзской фактории ни разу так и не заметили бурных военно-политических событий, якобы происходивших непосредственно под их стенами, когда город на протяжении трёх лет (1395—1397 гг.) «подвергался осадам», а один раз (1395 г.) даже был «захвачен» и «разорён».

Серия неудачных военных столкновений Тохтамыша с Тимуром (1387—1395 гг.) поставила Улус Джучи на грань катастрофы. Долгое время господствовавшая в историографии версия о походе войск Тимура в 1395 г. в Крым и о разгроме им важнейших городских центров полуострова (Солхата, Каффы, Феодоро и Херсона), основывалась исключительно на «слухах» и «известиях», доставленных дипломатической миссией Тулумена Алишаха ко двору египетского султана. Она не подтверждается независимыми персидскими источниками, а также какими-либо документами местного (крымского) происхождения. Кроме того, именно на территории этих средневековых городов, несмотря на многолетние археологические исследования, не выявлены закрытые комплексы 1395 г. Столь же бездоказательны фигурирующие в историографии «походы» Идигу и Тохтамыша на Каффу и «сражения с генуэзскими франками» 1396—1397 гг. Ещё более сомнительна военная акция Идигу на территории полуострова в 1399 г., так как она лишена каких-либо подтверждений со стороны источников.

Тохтамышу удалось временно восстановить свою власть в Орде и формально сохранить единство государства после поражения на Тереке в 1395 г. Однако уже в 1397/98 г. он, потерпев поражение от Кутлук-Тимура и Идигу, вынужден был бежать в Литву к Витовту и искать у него под-

держку для возвращения на престол Улуса Джучи. Разгром Кутлук-Тимуром и Идигу в 1399 г. на р. Ворскле объединённого татаро-христианского войска явился заключительным аккордом в политической карьере Тохтамыша как государственного лидера.

Литература

- Адаксина С. Б., Кирилков В. П., Мыц В. Л. 2005. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году*. Санкт-Петербург; Симферополь.
- Айбабин А. И. 2003. Города и степи Крыма в XIII—XIV вв. по археологическим свидетельствам. *МАИЭТ X*, 277—306.
- Байер Х.-Ф. 1995. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов. В: Могаричев Ю. М. (ред.). *Византия и средневековый Крым*. *АДСВ 27*, 65—76.
- Байер Х.-Ф. 2001. *История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро*. Екатеринбург: УрГУ.
- Белова-Кудь Л. Н. 1931. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг. *ХСб III*, 141—215.
- Бертье-Делагард А. Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК 57*, 1—135.
- Бобринский А. А. 1905. *Херсонес Таврический. Исторический очерк*. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова.
- Богданова Н. М. 1991. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города. В: Карпов С. П. (ред.). *Причерноморье в средние века I*. Москва: МГУ, 8—172.
- Богданова Н. М. 1995. О методике использования археологических источников по истории византийского города. В: Карпов С. П. (ред.). *Причерноморье в средние века II*. Москва: МГУ, 104—116.
- Брун Ф. К. 1879. О поселениях итальянцев в Газарии. Топографические и исторические заметки. В: Брун Ф. К. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России I*. Одесса: Типография Г. Ульриха, 189—240.
- Веймарн Е. В. 1953. Разведки оборонительных стен и некрополя. *МИА 34*, 419—429.
- Веймарн Е. В. 1982. Жилье усадьбы Эски-Керменского городища. *АДСВ 19*, 69—88.
- Галлофонтibus Иоанн де. 1980. *Сведения о народах Кавказа 1404 г.* Баку: Элм.
- Герцен А. Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. *МАИЭТ I*, 87—166; 242—271 (илл.).
- Герцен А. Г. 2001. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея. *АДСВ 32*, 257—282.
- Герцен А. Г. 2003. Описание Мангупа — Феодоро в поэме иеромонаха Матфея. *МАИЭТ X*, 562—589.
- Герцен А. Г. 2006. Христианская община Мангупа под властью турок. В: *Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Южного Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готского*. (7—10 июля 2005 г., пос. Партенит). Симферополь: Издательство Симферопольской и Крымской епархии, 22—40.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. 2005. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (отв. ред.). *Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. I*. Сб. науч. трудов. Киев: Стило, 257—287.
- Герцен А. Г., Землякова Л. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп). *МАИЭТ XII*, 371—494.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А. 2007. Археологические исследования Мангупа. В: *Археологические исследования в Крыму. 1995 год*. Симферополь: Сонат, 44—48.
- Гийассаддин Али. 1958. *Дневник похода Тимура в Индию*. Москва: Издательство восточной литературы.
- Гилевич А. М. 1971. Монеты из раскопок портового района в 1963—1964 гг. *АДСВ 7*, 62—80.
- Гилевич А. М. 1973. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965—1966 гг. *АДСВ 9*, 28—38.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1998. *Золотая Орда и ее падение*. Памятники русской исторической мысли. Москва: Богородский Печатник.
- Золотая Орда в источниках 2003: *Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи)*. 2003. Т. 1. *Арабские и персидские сочинения*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена. Храпачевский Р. П. (сост., введ. ст., комм.). Исторические источники. Москва.
- Коршенко А. Н. 1998. Находки скифатных монет на Мангупе. В: Потин В. М. (отв. ред.). *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция*. Санкт-Петербург, 20—25 апреля 1998 г. Тезисы докладов. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 48—49.
- Крамаровский М. Г. 1980. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы. *СГЭ XLV*, 68—72.
- Крамаровский М. Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. В: *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 141—157.
- Крамаровский М. Г. 1991. Чаша со сценой пира из Солхата. В: *Древние памятники культуры на территории СССР*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 69—91.
- Крамаровский М. Г. 2003. Джучиды и Крым: XIII—XV вв. *МАИЭТ X*, 506—532.
- Крамаровский М. Г. 2004. Средневековая базилика на городище Солхата. В: Залеская В. Н. (ред.). *Византия в контексте мировой истории*. Материалы науч. конф., посвященной памяти А. В. Банк. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 68—76.

- Малицкий Н.В. 1933. *Заметки по эпиграфике Мангупа*. ИГАИМК 71. Ленинград: ГАИМК.
- Отчет 1897: Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича. 1897. ОАК за 1895 г. Санкт-Петербург, 91—132.
- Романчук А.И. 1982. Материалы к истории Херсона XIV—XV вв. *АДСВ* 19, 89—114.
- Романчук А.И. 1986. *Херсонес XII—XIV вв.: историческая топография*. Красноярск: Красноярский университет.
- Романчук А.И. 1996. Заметки к истории Херсонеса XIV в. *ВВ* 56 (81), 298—304.
- Романчук А.И. 1997. Херсон XIV в.: каким могли видеть свой город херсониты. В: Мещеряков В.Ф. (ред.). *Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В.И. Кащеева*. Сборник научных трудов. Харьков: Бизнес Информ, 272—289.
- Романчук А.И. 2000. *Очерки истории и археологии византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук А.И. 2003. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве). *МАИЭТ* X, 261—276.
- Романчук А.И. 2005. Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонесе: местное производство и импорт. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Сборник науч. трудов. Киев: Стилюс, 93—99.
- Саргсян Т.Э. (рус. пер., предисл. и комм.). 2004. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян. *Историческое наследие Крыма* 8. Симферополь: Новая эра, 148—157.
- Сафаргалиев М.Г. 1996. Распад Золотой Орды. В: Павличенко С.В. (ред.). *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X—XVI вв.)*. Москва: ИНСАН.
- Скржинская Е.Ч. 1953. Рец.: А.Л. Якобсон. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*. Москва; Ленинград, 1950. *ВВ* 6 (31), 252—269.
- Смирнов В.Д. 1887. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*. Санкт-Петербург: Университетская типография.
- Смирнов В.Д. 2005. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты*. В 2 т. Т. I. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*. Орешкова С.Ф. (отв. ред.). Москва: Рубежи XXI.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. *Извлечения из персидских сочинений*. Москва; Ленинград: АН СССР; Институт востоковедения.
- Фадеева Т.М., Шапошников А.К. 2005. *Княжество Феодоро и его князья*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Якобсон А.Л. 1950. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*. МИА 17. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Якобсон А.Л. 1959. К изучению позднесредневекового Херсонеса. *ХСб* V, 229—244.
- Якобсон А.Л. 1964. *Средневековый Крым*. Москва; Ленинград: Наука.
- Якобсон А.Л. 1973. *Крым в средние века*. Москва: Наука.
- Acta 1860—1862: *Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCX—MCCCXX*. 1860—1862. Miklosich F., Müller J. (eds.). Bd. I—II. *Vindobonae: Bibliothecae Palatinae Vindobonensis*.
- Balard M. 1978. *La Romanie gènoise (XII — début du XV siècle)*. In 2 vol. Rome: École française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.
- Das Register 1981: *Das Register des Patriarchats von Konstantinopol* I. 1981. Ed. und Übers., des Urkunden aus den Jahren 1315—1331, Hunger H., Kresten O. (Hrsg.). *Corpus Fontium Historiae Byzantinae* 19 (1). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Formaleoni V. 1789. *Storia Filosofica, E Politica Della Navigazione, Del Commercio E Delle Colonie Degli Antichi Nel Mar Nero*. Vol. II. Venezia: Autore.
- Vasiliev A.A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Monographs of the Mediaeval Academy of America 11. Cambridge, Massachusetts.

References

- Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2005. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году (Report on Archaeological Research on the Medieval Fortress Cembalo (Balaklava) in 2004)*. Saint Petersburg; Simferopol (in Russian).
- Aibabin, A. I. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X, 277—306 (in Russian).
- Bayer, H.-F. 1995. In *Vizantiia i srednekovyi Krym. Antichnaia drevnost' i srednie veka (Byzantium and Medieval Crimea. Antiquity and Middle Ages)* 27, 65—76 (in Russian).
- Bayer, H.-F. 2001. *Istoriia krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro (History of the Crimean Goths as an Interpretation of the Tale of Mathew on the City of Theodoro)*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Belova-Kud, L. N. 1931. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos Compilation)* III, 141—215 (in Russian).
- Bertier de la Gard, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Tauric Academic Archival Commission)* 57, 1—135 (in Russian).
- Bobrinskiy, A. A. 1905. *Khersones Tavricheskii. Istoricheskii ocherk (Tauric Chersonese. Historical Essay)*. Saint Petersburg: "I. N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).
- Bogdanova, N. M. 1991. In *Prichernomor'e v srednie veka (Northern Pontic Region in Middle Ages)* I. Moscow: Moscow State University, 8—172 (in Russian).
- Bogdanova, N. M. 1995. In *Prichernomor'e v srednie veka (Northern Pontic Region in Middle Ages)* II. Moscow: Moscow State University, 104—116 (in Russian).
- Brun, F. K. 1879. In Brun F. K. *Chernomor'e. Sbornik issledovaniy po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (Northern Pontic Region. Collection of Studies on Historical Geography of Southern Russia)* I. Odessa: "Tipografia G. Ul'rikha" Publ., 189—240 (in Russian).
- Veimarn, E. V. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Researches in Archaeology)* 34, 419—429 (in Russian).
- Veimarn, E. V. 1982. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 19, 69—88 (in Russian).
- Galofontibus, Ioann de 1980. *Svedeniia o narodakh Kavkaza 1404 g. (Accounts on Peoples of the Caucasus in 1404)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
- Gertsen, A. G. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* I, 87—166; 242—271 (ill.) (in Russian).
- Gertsen, A. G. 2001. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 32. Yekaterinburg, 262—279

- Gertsen, A. G. 2003. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* X, 562—589 (in Russian).
- Gertsen, A. G. 2006. In *Materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii «Dukhovnoe nasledie Kryma» pamiati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotskogo» (Proceedings of the International Ecclesiastic Historical Conference on the Spiritual Legacy of the Crimea dedicated to the Memory of the Rev. John the Bishop of Gothia)*. Simferopol: Eparchy of Simferopol and Crimea, 22—40 (in Russian).
- Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2005. In *Polivnaia keramika Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Northern Black Sea and Mediterranean Sea in 10th — 18th cc.)*. I. Kiev: “Stilos” Publ., 257—287 (in Russian).
- Gertsen, A. G., Zemliakova, L. Iu., Naumenko, V. E., Smokotina, A. V. 2006. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* XII, 371—494 (in Russian).
- Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., Chernysh, S. A. 2007. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1995 god (Archaeological Research in Crimea in 1995)*. Simferopol: “Sonat” Publ., 44—48 (in Russian).
- Ghiyath al-Din Ali. 1958. *Dnevnik pokhoda Timura v Indiiu (The Journal of Timur's Campaign in India)*. Moscow: “Izdatel'stvo vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).
- Gilevich, A. M. 1971. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 7, 62—80 (in Russian).
- Gilevich, A. M. 1973. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 9, 28—38 (in Russian).
- Grekov, B. D., Iakubovskii, A. Iu. 1998. *Zolotaia Orda i ee padenie (The Golden Horde and Its Fall)*. Moscow: “Bogorodskii Pechatnik” Publ. (in Russian).
- Zolotaia Orda v istochnikakh (materialy dlia istorii Zolotoi Ordy ili Ulusa Dzhuchi) (The Golden Horde in the Sources (Materials for the History of the Golden Horde or Jochi's Ulus))*. 2003. Vol. 1. *Arabskie i persidskie sochineniia (Arab and Persian Writings)*. Istoricheskie istochniki (Historical Sources). Moscow (in Russian).
- Korshenko, A. N. 1998. In *Shestaia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. (VI All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 48—49 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 1980. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XLV, 68—72 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 1989. In *Itogi arkhologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Findings of Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141—157 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 1991. In *Drevnie pamiatniki kul'tury na territorii SSSR (Ancient Cultural Sites on the USSR Territory)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 69—91 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 2003. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* X, 506—532 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 2004. In *Vizantiia v kontekste mirovoi istorii (Byzantium in the Context of the World History)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 68—76 (in Russian).
- Malitskii, N. V. 1933. *Zametki po epigrafike Mangupa. Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 71. Leningrad (in Russian).
- Otchet zaveduiushchego raskopkami v Khersonese K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha. 1897. *Otchet arkhologicheskoi komissii za 1895 g. (Report of the Archaeological Commission from 1895)*. Saint Petersburg, 91—132 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 1982. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 19, 89—114 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 1986. *Khersones XII—XIV vv.: istoricheskaia topografiia (Chersonese in 12th—14th cc.: Historical Topography)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 1996. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 56 (81), 298—304 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 1997. In *Antichnyi mir. Vizantiia (Ancient World. Byzantium)*. Khar'kov: “Biznes Inform” Publ., 272—289 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2000. *Ocherki istorii i arkhologii vizantiiskogo Khersona (Essays on History and Archaeology of the Byzantine Cherson)*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2003. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* X, 261—276 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th — 18th Centuries)* I. Kiev: “Stilos” Publ., 93—99 (in Russian).
- Sargsyan, T. E. (2004. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (Historical Legacy of the Crimea)* 8. Simferopol: “Novaia era” Publ., 148—157 (in Russian).
- Safargaliev, M. G. 1996. In *Na styke kontinentov i tsivilizatsii (iz opyta obrazovaniia i raspada imperii X—XVI vv.) (On the Joint of Continents and Civilizations (from experience of formation and fall of empires in 10th — 16th cc.))*. Moscow: “INSAN” Publ. (in Russian).
- Skrzhinskaia, E. Ch. 1953. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 6 (31), 252—269 (in Russian).
- Smimov, V. D. 1887. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoi Porty do nachala XVIII veka (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire before Early 18th c.)*. Saint Petersburg: “Universitetskaia tipografiia” Publ. (in Russian).
- Smimov, V. D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoi Porty (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire)* I. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoi Porty do nachala XVIII veka (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire before Early 18th c.)*. Moscow: “Rubezhi XXI” Publ. (in Russian).
- Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (A Compilation of Materials on the History of the Golden Horde)* I. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: The Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences (in Russian).
- Tiesenhausen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (A Compilation of Materials on the History of the Golden Horde)* II. *Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; Institute of Oriental Studies (in Russian).
- Fadeeva, T. M., Shaposhnikov, A. K. 2005. *Kniazhestvo Feodoro i ego kniaz'ia (The Principality of Theodoro and Its Princes)*. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1950. *Srednevekovi Khersones (XII—XIV vv.) (The Medieval Chersonese (12th—14th cc.))*. Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Researches in Archaeology) 17. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1959. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesse Compilation)* V, 229—244 (in Russian).
- Jakobson, A. L. 1964. *Srednevekovi Krym (The Medieval Crimea)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Iakobson, A. L. 1973. *Krym v srednie veka (The Crimea in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCCV—MCCCCII. 1860—1862*. Miklosich F., Müller J. (eds.). Bd. I—II. Vindobonae: Bibliothecae Palatinae Vindobonensis.
- Balard, M. 1978. *La Romanie gènoise (XII — début du XV siècle)*: In 2 vol. Rome: École française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.
- Das Register des Patriarchats von Konstantinopol* I. 1981. Ed. und Übers., des Urkunder aus den Jahren 1315—1331, Hunger H., Kresten O. (Hrsg.). Corpus Fontium Historiae Byzantinae 19 (1). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Formaleoni, V. 1789. *Storia Filosofica, E Politica Della Navigazione, Del Commercio E Delle Colonie Degli Antichi Nel Mar Nero*. Vol. II. Venezia: Autore.
- Vasiliev, A. A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Monographs of the Mediaeval Academy of America 11. Cambridge, Massachusetts.